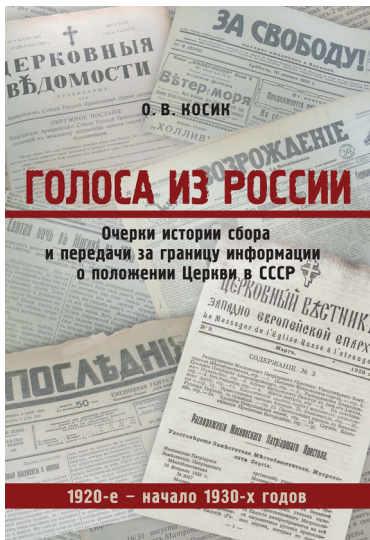

Ольга Владимировна Косик
Голоса из России. Очерки истории сбора и
передачи за границу информации о положении
Церкви в СССР. 1920-е – начало 1930-х годов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8639534

*Косик Ольга Владимировна. Голоса из России: Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов): ПСТГУ; Москва; 2013
ISBN 978-5-7429-0641-4*

Аннотация

В центре внимания автора монографии – информационный обмен в церковной сфере в период гонений. Автор кропотливо исследует пути и способы передачи информации о Русской Церкви за рубеж, останавливаясь на характеристиках тех деятелей, которые способствовали ее распространению. Особое внимание уделяется восприятию этих материалов различными группами церковной эмиграции. Выявление особенностей данного массива источников проводится в неразрывной связи с освещением истории их создания и распространения.

Содержание

Вступление	5
Сбор информации о гонениях в комиссии Священного Собора и в канцелярии Святейшего Патриарха Тихона. Распространение посланий Патриарха	9
Первые списки архиереев и епархий. Сводки Н. В. Нумерова	13
Списки архиереев	16
Контакты Святейшего Патриарха Тихона с Патриархами и церковными деятелями за рубежом	21
Материалы о положении Русской Церкви в архиве Архиерейского Синода РПЦЗ и на страницах газеты «Церковные ведомости» в первой половине 1920-х гг.	27
Переписка Святейшего Патриарха Тихона с русским зарубежным духовенством	35
Контакты с зарубежным духовенством Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского)	42
Освещение информации о положении Православной Церкви в СССР в газете «Церковные ведомости» после ареста митрополита Петра (Полянского)	51
Переписка митрополита Сергия с русскими архиереями за границей и предстоятелями Православных Церквей	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Косик Ольга Владимировна
Голоса из России. Очерки истории
сбора и передачи за границу
информации о положении Церкви в
СССР. 1920-е – начало 1930-х годов**

Светлой памяти моих родителей Владимира и Нины

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 12–122–2282*

© Косик О. В., 2011

© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
2013

Вступление

Соппротивление насилию становится особенно трудным в условиях информационной изоляции. Поэтому важной составной частью гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. была борьба с правдивой информацией о Церкви и ее служителях. Дело не ограничивалось сокрытием истинного положения в церковной сфере или облечением в покров тайны действий представителей власти. Средства массовой информации публиковали сведения, не имеющие ничего общего с реальностью, распространяли ложь и клевету, формируя сознание безрелигиозного человека, строителя «светлого будущего».

Блокирование каналов связи, развитая система дезинформации, запрет на объективное освещение событий легли в основу информационной деятельности властей в религиозной сфере. Почти все попытки распространения сведений об истинном положении Церкви стали расцениваться как контрреволюционная деятельность или антисоветская пропаганда, а если материал готовился к передаче за границу, то это характеризовалось как шпионаж.

Постепенно создавалась монополия на информацию с целью трансформации ее в выгодном для властей ракурсе.

В ответ на это развивалась деятельность по сбору, сохранению, копированию и распространению информации о Церкви. Выдающийся историк и собиратель церковных документов М. Е. Губонин писал: «...при всем (мягко выражаясь) “своеобразии” тогдашней церковной обстановки (20–40-е гг.) стремление к сохранению письменных памятников текущей церковной истории не ослабевало среди некоторых представителей общества, жившего интересами Церкви, хотя и было обставлено весьма значительными трудностями бытового порядка»¹.

Информация о церковной жизни в стране поступала в канцелярии высшей церковной власти; некоторые собиратели архивов хранили наиболее важные директивные партийные и государственные материалы, оригиналы и копии официальных церковных документов, письма, порой заменявшие архиерейские послания и обращения, богословские трактаты с анализом современной ситуации, вырезки и копии публикаций иностранной печати о положении Церкви в нашей стране, цитаты из опубликованных в Советской России и СССР статей, книг, авторам которых было дозволено цитировать церковные документы.

Церковные деятели искали и находили способы передачи важных документов или корреспонденций за границу, где эти материалы зачастую попадали на страницы эмигрантских газет и журналов. Сделав круг, эта информация иногда возвращалась на родину. Вновь попавшие в Россию материалы о Церкви распространялись с помощью копирования на машинке или от руки и становились известными значительному числу людей. Порой легче было ознакомиться с выпиской из зарубежного издания, чем получить доступ к информации о Церкви в своей стране.

Информирование зарубежья имело целью побудить религиозных политических и общественных деятелей других стран, правительств, общественных организаций к выступлению в защиту Русской Церкви, а также к оказанию материальной помощи ссыльным и заключенным. Другой причиной поиска этих контактов было ожидание моральной поддержки со стороны эмигрировавших церковных деятелей. Особенно это касалось выбора тактики действий в сложных и конфликтных ситуациях, зачастую спровоцированных властями, как, например, обновленческий раскол или отход части духовенства и мирян от митрополита Сергия (Страгородского) после выхода его декларации 1927 г.

¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 12–13.

И действительно, на страницах эмигрантских газет то и дело появлялись материалы, посвященные гонениям на Церковь, письма иерархов, указы высшей церковной власти, обзоры церковных событий.

Революция и Гражданская война разорвали народ, семьи, Церковь. Понятен острый интерес эмигрантов к тому, что происходило в оставленной ими стране. Положение Церкви волновало изгнанников, которые старались вникнуть в сущность сложных церковных ситуаций, возникавших в России. Материалы черпались из советской прессы, из частных писем, из рассказов беженцев и оказавшихся в командировке научных сотрудников. Находились люди, взявшие на себя переправку за границу сведений о том, что происходит в Русской Церкви. Их имена при публикации этой информации по понятным причинам не сообщались. Освещение событий было довольно оперативным, хотя тайна порой порождала фальсификации.

Власти в России недаром боялись этих утечек информации – вмешательство Европы во внутреннюю политику большевиков было крайне нежелательным, мешало осуществлению задуманных проектов, создавало ненужные советскому правительству ограничения в дипломатических и экономических контактах с другими странами. Любая связь с границей, даже между родственниками, расценивалась как тяжелое преступление. В эти годы было прервано общение между самыми близкими людьми. Налаживание информационных каналов было делом крайне рискованным, их обнаружение влекло за собой большие сроки заключения или расстрел. Поэтому надо воздать должное тем, кто сопротивлялся гонениям на правду, разыскивая, собирая, копируя и передавая за рубеж церковные документы. Деятельность людей, взявших на себя подобный труд, должна быть изучена и оценена как особый подвиг во имя веры.

С целью ознакомить эмиграцию с положением Церкви в оставленной стране составлялись сводки, исторические обзоры, очерки. Так было положено начало первым трудам по истории Церкви эпохи гонений. Эти труды вошли составной частью в последующие обзоры, курсы истории и статьи, хотя имена многих первых собирателей первоисточников долгое время оставались неизвестными.

Задача этой работы – восполнить пробел, чтобы оценить по достоинству труды тех, кто в первые десятилетия советской власти собирал свидетельства церковной жизни, проникал в суть разворачивающихся событий, сохранял и передавал за границу эти материалы. Деятельность М. Е. Губонина, А. П. Вельмина, Г. А. Косткевича, М. А. Новоселова и других, еще неизвестных собирателей церковных материалов не может быть оставлена без внимания и должной оценки.

В изучении источников по церковной истории бывает особенно интересна судьба документа, его нелегкий путь к тем, кому он адресован. Изучение подобных сюжетов выявляет много неожиданного о создателях и распространителях документов, о восприятии их содержания, о подвиге первых летописцев эпохи гонений. Немало говорит о документе место его обнаружения – найден ли он в старых подшивках газет, в фондах ГА РФ или в архивах ФСБ.

Исследователю информационной деятельности надо постоянно иметь в виду работу органов власти в этой области. Время 1920–1930-гг. характеризовалось широким использованием фальсификаций, подделок, созданных для борьбы с Церковью, а также со всеми возможными группами людей и организациями, созданными вне официальных структур.

Один из авторов журнала русских анархо-мистиков «Рассвет»² писал о создании подобных фальсификаций: «В основание этих “документов” кладутся обычно подлинные

² «Рассвет» – ежедневная газета российских рабочих организаций США и Канады, созданная при непосредственном участии А. А. Карелина и других анархо-мистиков. Выходила в Нью-Йорке с 8 декабря 1924 г. ежедневно под редакцией Ф. Кремера. В апреле 1926 г. издание перенесено в Чикаго, первый номер под новой редакцией вышел 1 мая 1926 г. и выражал идеи мистических анархистов. К 1930-х гг. газета отошла от анархизма, хотя некоторые статьи на эти темы продолжали

материалы или же сведения, добытые агентами ГПУ (технически эти данные в ГПУ называются “канвой”). Кроме того, содержание фальшивок тщательно подгоняется под определенные настроения при помощи “каэров”³ соответствующей окраски. Затем, по изготовлении, фальшивки пускаются с определенной целью в обращение, как “нелегальные” документы (или издания) в России и за границей. Поэтому необходимо с большой осторожностью относиться к разного рода “документам”, поступающим из Москвы. Даже опытный деятель может быть введен в заблуждение противобольшевистским содержанием листовки, обращения или “манифеста”, если ему неизвестна цель, ради которой данный документ был изготовлен и пущен в обращение “кабинетом контра и дезо”⁴.

Конечно, факт изготовления документа в органах ГПУ-ОГПУ доказать довольно трудно, ведь все такие свидетельства до сих пор не разглашаются. Историк может лишь указать на степень вероятности такого происхождения документа, распространяемого в церковной среде.

Пути документа, его анализу и рецепции в эмигрантской среде, его судьбе посвящены многие страницы этой книги. Она не претендует на полноту охвата зарубежной прессы и архивных материалов на поставленную тему. В центре внимания не столько отражение картины церковной жизни в СССР, сколько проблема контакта, преломления, взаимодействия отечественной церковной среды со средой церковно-эмигрантской, которая, будучи оторванной частью Матери-Церкви, постепенно обретала своеобразные черты и принуждена была строить самостоятельную жизнь в чуждом окружении.

Материалы, собранные и обобщенные церковными деятелями в России и попавшие за границу, печатались в зарубежных изданиях, обильно были использованы протопресвитером М. Польским в его собрании церковных документов⁵ и другими русскими церковными деятелями за рубежом и в нашей стране, изучались митрополитом Мануилом (Лемешевским), архимандритом (будущим митрополитом) Иоанном (Снычевым)⁶, М. Е. Губониным и др.

Таким образом, данная книга представляет собой в известной степени восхождение к истокам (или источникам) сведений, благодаря которым сложилось современное представление о событиях минувшей эпохи. Информация, как всякая отраженная действительность, в той или иной степени преломляла реальность. Определить степень, цель и добросовестность отражения – задача чрезвычайно сложная. С. Г. Петров справедливо задавал риторический вопрос: «Что значит “надежные источники информации” в советских условиях?»⁷ Тем не менее не только документ, но и, образно говоря, «угол его отражения» – является полем

публиковаться.

³ Автор имеет в виду бывших «контрреволюционеров», «которых в свое время пощадила ЧеКа. Часть этих “каэров” употребляется для “выяснений и раскрытий” (т. е. для осведомления чекистов и разъяснения им сущности тех или иных явлений), другая часть “каэров” занимается фабрикацией подложных документов (всякого рода листовок, воззваний, обращений, манифестов, писем, протоколов и т. д.)» (*Дельта*. Новые сведения о провокационной работе ГПУ // *Рассвет*. 1929. 30 июля. № 177. С. 2).

⁴ *Дельта*. Новые сведения о провокационной работе ГПУ // *Рассвет*. 30 июля. № 177. 1929. С. 2.

⁵ См.: *Польский М., протопр.* Новые мученики Российские: В 2 ч. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М.: Т-во «Светлячок», 1994.

⁶ См.: Библиотека Московской духовной академии. *Иоанн (Снычев), иг.* Церковные расколы 30-х и 40-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский, даниловский и другие. Их особенности и история. Кн. 2, 3. Машинопись. Куйбышев, 1963; *Иоанн (Снычев), архим.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенности и история. Машинопись. Куйбышев, 1965; *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Их особенности и история. Изд. 2-е, доп. Сортавала, 1993; *Он же*. То же название. Самара, 1997.

⁷ Русская Церковь. XX век. Кн. 1: Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)». Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября 2001. [Мюнхен]: Изд. Обители Иова Почаевского в Мюнхене, 2002. С. 569.

исторического исследования, способного дать информацию о тех, кто этой информацией обменивался. Конечно, на процессы такого обмена оказывали большое влияние личностные, политические и ситуативные факторы. Часто недостает свидетельств для проверки информации. Однако и небольшой шанс получить новые сведения об исторических коллизиях под углом зрения создания, циркуляции и восприятия источников дает интересную перспективу в историческом исследовании.

* * *

Выражаю свою признательность тем, кто помог мне в подготовке настоящей книги – поддержкой самой идеи, сбором материалов, консультациями, внимательным прочтением рукописи и указанием на ее недочеты – в первую очередь ректору ПСТГУ протоиерею Владимиру Воробьеву, иерею Александру Мазырину, высказавшему ценные замечания, преподавателям Джорданвилльской Свято-Троицкой духовной семинарии протоиерею Владимиру Цурикову и диакону А. В. Псареву, которые обеспечили мне работу в Архиве семинарии, директору Славянской библиотеки в Праге Лукашу Бабка и сотруднице этого архива Анастасии Копршиновой за помощь в сборе иллюстративного материала. Также благодарю сотрудников Центрального архива ФСБ РФ, Государственного архива Российской Федерации, Центрального Государственного архива общественных организаций Украины. Выражаю сердечную благодарность П. Г. Проценко и моим коллегам: Н. А. Кривошеевой, Л. А. Головковой, О. И. Хайловой, А. Н. Сухорукову, Л. С. Аристовой, Н. С. Соловьевой и многим другим за советы и поправки. Для биографических справок и иллюстраций наряду с другими ресурсами использовались материалы базы данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие».

Сбор информации о гонениях в комиссии Священного Собора и в канцелярии Святейшего Патриарха Тихона. Распространение посланий Патриарха

Начало вытеснения объективных данных о событиях в Русской Православной Церкви из информационной среды было положено уже декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января (5 февраля) 1918 г., в котором было сказано, что «никакие церковные религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»⁸. Этот параграф дал юридическое обоснование захвату полиграфических средств, создал непреодолимые препятствия для публикации религиозных изданий, в том числе книг Священного Писания, церковной литературы, периодической печати.

С помощью захвата синодальных, лаврских и монастырских типографий Церковь, ее правящие учреждения: Синод, епархиальные власти и сам Священный Собор – почти лишены были возможности сноситься между собой и с паствой, наставлять, осведомлять и поучать ее.

Протоиерей Павел Лахостский в своем докладе 29 марта (11 апреля) 1918 г. назвал этапы гонений на русскую Православную Церковь. Он говорил, что «гонения совершаются планомерно, по какой-то команде, с известной постепенностью. Сначала отнимаются средства оповещения о деятельности Собора, отнимаются типографии, синодальные и провинциальные, потом начинается грозный натиск на обители, попытка овладеть ими... <...> Затем начинается реквизиция монастырского имущества, денег, зданий, хуторов, земли, архиерейских домов <...> Далее идет реквизиция духовно-учебных заведений, свечных заводов и консисторий, и одновременно происходят аресты лиц, которые часто виновны лишь в том, что в момент реквизиции находятся на месте службы <...>. Наконец совершаются убийства, жестокие, зверские, совершенно бессмысленные, большей частью без предъявления обвинения...»⁹.

Первым ответом Церкви на попытку лишить ее информации о происходящих событиях была организация сбора сведений о гонениях на Церковь. Постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода от 21 февраля (6 марта 1918 г.) № 49 было предписано епархиальному начальству сообщать обо всех случаях насилия по отношению к Церкви и ее служителям и учинять на местах надлежащие расследования¹⁰. На заседании от 15 (28) марта 1918 г. было решено образовать комиссию для разработки вопросов, связанных с гонениями на Церковь в составе членов Собора архимандритов Вениамина¹¹ и Матфея (Померанцева), протоиереев П. Н. Лахостского, П. А. Миртова, мирян Г. И. Булгакова, И. И. Беликова, М. Ф. Глаголева, В. И. Зеленцова, Н. Н. Медведкова и Т. Н. Нечаева. Комиссия была предназначена собирать все факты преследования за веру. На местах создавались особые комиссии для рас-

⁸ Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ. М., 2000. С. 815.

⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви. 1917–1918 гг.: Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева, Г. Шульц; Под общ. ред. Г. Шульца. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2001. С. 380.

¹⁰ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 8. Деяния 102–108. М.: ГА РФ: Новоспасский монастырь, 1999. 1-я паг. С. 43–44.

¹¹ В данном случае неясно, речь идет об архимандрите Вениамине (Кононове) или Вениамине (Федченкове).

следования каждого случая ареста, убийства, пролития крови, акты таковых расследований передавались в Священный Синод и докладывались на Соборе.

В вышеупомянутом докладе П. Н. Лахостского обобщался собранный комиссией материал, основанный на официальных данных, донесениях епископов и сведениях в официальных органах печати. Сведения к этому времени поступили лишь из семи епархий, однако докладчик отметил, что гонения распространяются на всю Россию и становятся все сильнее и сильнее¹².

Среди мер, предложенных на Соборе, обсуждались возможности использования средств оповещения о гонениях на Церковь, поскольку порой отсутствовали сведения даже об аресте членов Собора¹³. Предлагалось даже издание отдельной брошюрой соборного постановления о правовом положении Церкви в государстве. В те месяцы еще было возможно такое предложение: «Напечатать и раздать членам Священного Собора к их отъезду из Москвы краткое сообщение о пострадавших в нынешние дни гонений за Православную Веру и Церковь для распространения среди православного народа»¹⁴.

В определении Священного Собора Православной Российской Церкви о мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь, от 5 (18) апреля 1918 г. указывались такие меры оповещения, как печатание и раздача членам Собора сообщений о пострадавших за православную веру в дни гонений, сбор сведений Высшим Церковным управлением и оповещение посредством печатных изданий и живого слова обо всех случаях гонений на Церковь, издание соборного постановления о правовом положении Церкви в государстве с разъяснениями для широкого распространения¹⁵.

Усиление гонений, в частности в сфере информации, сделало невозможным осуществление большинства из намеченных мероприятий. В 1918 г. закрылось большинство церковных изданий – издаваемые Священным Синодом «Церковные ведомости», «Московские церковные ведомости» и др. Одновременно в официальной печати стало широко практиковаться распространение ложных известий, клеветы, сокрытие правдивых сведений о Церкви и пресечение их передачи частным путем, отбор информации компрометирующего характера. В обращении Патриарха Тихона Совету народных комиссаров от 26 октября 1918 г. говорилось: «Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства»¹⁶.

Это обращение было издано отдельным листком, который удалось напечатать в значительном количестве экземпляров¹⁷. Оно попало и на территорию, занятую Белой армией¹⁸. Листовки были предъявлены Патриарху Тихону во время допроса, причем его обвиняли в том, что он не реагирует на распространение его посланий среди населения, «особенно на юге, каковые послания выставляются как ценные аргументы, носящие имя и подпись высшего церковного авторитета всей России»¹⁹. Патриарх отвечал, что он не в состоянии про-

¹² См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 9. Деяния 118–136. М., ГА РФ: Новоспасский монастырь, 1999. 1-я паг. С. 8.

¹³ См.: Там же. С. 12.

¹⁴ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. 3-я паг. С. 56.

¹⁵ См.: Там же. С. 55–56.

¹⁶ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 840.

¹⁷ В докладе об основаниях и причинах содержания Патриарха Тихона под домашним арестом, составленном в январе 1920 г., указывалось, что послание о невмешательстве в политическую борьбу было издано Комитетом по делам духовенства тиражом 50 000 экз. Проверить это сейчас, по-видимому, невозможно.

¹⁸ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 94.

¹⁹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 96.

тивоедействовать распространению посланий, которое является делом частной инициативы. Это обращение послужило причиной заключения Патриарха под стражу.

После отобрания типографий и закрытия периодических церковных изданий единственным средством оповещения верующих о событиях в Церкви, в частности о посланиях Патриарха, стали листовки и небольшие брошюры, которые удавалось напечатать при помощи небольших полиграфических средств, уцелевших от реквизиции.

Вскоре властями была выработана платформа для отказа в печатании любых церковных изданий. В октябре 1919 г. заведующий VIII отделом НКЮ П. А. Красиков писал в Центропечать в ответ на ходатайство одной из религиозных общин издать воззвание Патриарха Тихона от 8 октября 1919 г. «О невмешательстве в политическую борьбу»: «...с формальной стороны с точки зрения декрета от 23 января 1918 г. ходатайство религиозной общины о предоставлении ей права и возможности издавать и распространять воззвания является незаконным, и разрешение в этом смысле было бы нежелательным прецедентом, так как религиозные общины не имеют прав юридического лица»²⁰.

Несмотря на позицию П. А. Красикова, воззвание удалось опубликовать отдельной листовкой²¹.

Подобные листовки с посланиями Патриарха Тихона появлялись до 1922 г. включительно («О помощи голодающим, лето 1921 г.», «Об усилении помощи голодающим, 6 февраля 1922 г.» и др.). Однако печатание подобных публикаций постепенно подпадало под разряд подсудных дел и все чаще расценивалось как антисоветское и контрреволюционное деяние с соответствующей трактовкой и мерами пресечения. Так, в приговоре по делу Совета объединенных приходов г. Москвы, по которому проходили А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов, обвиняемым инкриминировалась контрреволюционная деятельность, которая выразилась, в частности, в «распространении среди отсталых рабоче-крестьянских масс всевозможных брошюр, воззваний и листовок явно контрреволюционного характера»²².

В 1922 г. была широко распространена листовка с посланием Заместителя Святейшего Патриарха митрополита Агафангела (Преображенского) к архиереям и всем чадам Православной Церкви от 5 (18) июня 1922 г. Она попала за границу и была опубликована в ряде изданий²³.

Порой власти не препятствовали распространению посланий, но затем изымали их. Так, в одном из писем из России этих лет, о котором пойдет речь дальше, говорилось: «Пробовали печатать определения Синода отдельными листками для рассылки по церквам и епархии. Несмотря на то что на это всякий раз испрашивалось разрешение цензуры и все печаталось с соблюдением общих законов, готовые листы отбирались агентами ГПУ, как только их привозили из типографии в Донской монастырь»²⁴.

К середине 1920-х гг. Церковь почти полностью лишилась возможности издания полиграфической продукции. Тем важнее был поиск способов распространения сведений о Церкви в России и передачи их за границу, в среду эмигрировавшего духовенства. Благо-

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ В опубликованном тексте послания, несмотря на протесты Патриарха, слова «светская власть» заменены на «советская власть». В письме протопресвитера Николая Любимова председателю Исполнительного комитета по духовенству (Исполкомдуха) А. Ф. Филиппову от 8 октября (25 сентября) 1919 г. говорилось: «...от поправки в последнем абзаце Святейший отказался, и, конечно, по очень простой причине: ведь послание ко всем архиереям и пастырям Церкви Российской, под какой бы гражданской властью они ни находились... нельзя же им говорить: "Подчиняйтесь Советской власти", которой, может быть, в данный момент у них и не имеется...» (см.: Новые документы о послании Святейшего Патриарха Тихона от 25 сентября (8 октября) 1919 года / Публ. и коммент. И. Н. Смоляковой // Вестник ПСТГУ: II История (История Русской Православной Церкви). 2006. Вып. 2 (19). С. 162).

²² Следственное дело Патриарха Тихона. С. 87.

²³ См., напр.: Последние новости. 1922. № 715.

²⁴ Архив Свято-Троицкой Джорданвилльской духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8.

даря мужественным действиям лиц, близких к Патриарху, наиболее важные его послания увидели свет на страницах зарубежных изданий.

Первые списки архиереев и епархий. Сводки Н. В. Нумерова

Списки гонимых архиереев стали составляться непосредственно после октябрьского переворота²⁵. Создание этих списков в годы гонений XX в. было крайне важным и вместе с тем весьма опасным делом. С ноября 1917 г. понятия «епископ» и «гонимый епископ» стали синонимами. Архиереи постоянно подвергались арестам, ссылкам, нередко их предавали смерти, кроме того, большевистская власть направляла свои усилия на дезорганизацию церковного управления. Поэтому в условиях репрессий важнейшей и весьма трудной задачей стал сбор информации о составе епископата, о территориальном местонахождении архиереев, их юридическом статусе (например, заключенный, ссыльный) и пр. Известны слова Святейшего Патриарха Тихона: «Я посылаю архиерея на юг, а он попадает на север, посылаю на запад, а его привозят на восток»²⁶. Патриарх благословлял составление и уточнение списков архиереев, без чего невозможно было осуществлять церковное управление.

В конце 1918 г. был составлен документ под названием «Иерархия Российской Православной Церкви»²⁷. Он состоит из машинописи, рукописи и типографской верстки, из которой видно, что список готовился к помещению в церковном календаре на 1919 г. Документ просматривался Святейшим Патриархом Тихоном, о чем говорит его собственноручная правка.

Документ представляет собой список епархий, систематизированный в алфавитном порядке, после наименования епархии указаны имена архиереев и точные даты хиротоний.

В 1921 г. делопроизводителем Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне Николаем Васильевичем Нумеровым был составлен список архиереев, содержащий сведения о хиротониях, полные титулы иерархов. Список был вывезен за рубеж неким Г. Вальтером, уезжавшим в Берлин из России, и передан управляющему западноевропейскими русскими приходами архиепископу Евлогию (Георгиевскому), который переслал копию списка в канцелярию Высшего Церковного Управления за границей в Сремских Карловцах (Королевство сербов, хорватов и словенцев) вместе с сопроводительным письмом от 9 ноября 1921 г. «Имею честь препроводить при сем в копии присланную мне Секретарем при Священном Синоде при Святейшем Патриархе Н. Нумеровым записку о состоянии Православной Церкви в России. *Архиепископ Евлогий*».

Машинописная копия этого списка хранилась в архиве Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, ныне находящемся в ГА РФ в папке под названием «Положение Православной Церкви в России» (д. 263)²⁸. В эту папку попадали различные письма, вырезки из газет, воззвания, статистические материалы, которые поступали из России.

Н. В. Нумеров в письме архиепископу Евлогию (Георгиевскому) перечислил лиц, составивших новый Синод: митрополит Евсевий (Никольский), митрополит Михаил (Ерма-

²⁵ См.: Косик О. В. Списки архиереев Русской Православной Церкви в 1920–1930 годы // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. С. 238–240.

²⁶ Акты Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России; позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994. С. 348.

²⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 32. Л. 40–42.

²⁸ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 114–123. Опул.: История иерархии Русской Православной Церкви. С. 871–878. В книге адресат документа ошибочно определен как митрополит Антоний (Храповицкий).

ков), митрополит Сергей (Страгородский), от северо-западной группы епархий был вызван архиепископ Иннокентий (Ястребов), от центральных – епископ Серафим (Александров)²⁹.

Затем, описав некоторые подробности работы органов высшего церковного управления, Нумеров поместил подробную справку о состоянии каждой епархии. Это был первый известный нам список епархий с указаниями на места пребывания на кафедрах и перемещений архиереев. Здесь сообщались сведения об арестах, болезнях, смертях и даже ходивших слухах. Пример такой справки:

«ВЛАДИМИРСКАЯ³⁰: Митрополитом Владимирским и Шуйским остается митрополит Сергей, который в 1919 г. в большинстве случаев жил во Владимире и только изредка показывался в Синод, но с Декабря 19 г., когда арестован был домашним арестом Патр[иарх]а и взяты в В. Ч.К. митрополиты Арсений и Кирилл, он прибыл в Москву и с того времени непрерывно жил в Москве. В Январе 1921 г. был арестован, долго сидел в Чрезвычайке и в Бутырской тюрьме, но к Пасхе получил свободу: был взят на поруки знаменитым Путятой. Арест произошел из-за какого-то бракоразводного дела: будто бы он назначил произвести расследование обвинений, за это присужден к ссылке в Н[ижний] Новгород, куда отправился в Июне месяце и там по сие время живет в женском Крестовоздвиженском монастыре и пользуется полной свободой совершать богослужения. В епархии шесть викариатств»³¹.

Далее Николай Васильевич описывает церковную жизнь, которая пришла в упадок в связи с невозможностью работы духовных школ, благотворительных учреждений и пр. Отсутствие школ пастырства вызвало оскудение кандидатов в иереи: «...ставят недоучившихся диаконов и даже псаломщиков». Из принявших сан он отметил только архимандрита Сергия (Шеина) (который спустя год принял мученическую кончину), сенатора Утина, члена Собора Градусова. Сообщив о закрытии и разрушении монастырей, Нумеров пишет: «Но все-таки не падаем духом. Храним твердую веру в промысел Божий и в этой вере находим источник для своего существования»³².

Николай Васильевич Нумеров вел летопись церковных событий этих лет. Будучи делопроизводителем канцелярии Священного Синода, он имел возможность знакомиться с поступающей в Синод информацией и составлять сводки событий. 22 апреля 1922 г. в помещении Нумерова был произведен обыск, и затем он был допрошен. Во время обыска были изъяты сводки, которые заинтересовали следователя. Во время допроса между следователем и Н. В. Нумеровым произошел следующий диалог:

«Вопр[ос]. Церковная хроника составлена лично Вами?

Отв[ет]. Составлена мною.

Вопр[ос]. Какие материалы Вы использовали?

Отв[ет]. Большей частью постановления или [пропуск в копии] поступающие бумаги.

Вопр[ос]. Скажите. Где можно найти эти бумаги и постановления, как оправд[ательный] д[окумент] к составленной Вами хронике?

Отв[ет]. В делопроизводстве Синода.

Вопр[ос]. По каким бумагам составлялся Вами параграф о Соборе в Карловцах и высш[ем] церк[овном] Правлении в хронике от 15/28 октября?

Отв[ет]. Не припомню, по каким документам составлялся мною этот параграф, он мог быть составлен из писем Антония, Евлогия или официальной бумаги высш[его] Церк[овного] Правления за границей.

²⁹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 114.

³⁰ Здесь и далее в книге выделения источника.

³¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 112.

³² Там же. Л. 112 об.

Вопр[ос]. Каким путем получал Синод письма от Антония и Евлогия?

Отв[ет]. Точно ответить не могу, как будто через епископов, находящихся за границей (в Эстонии), а быть может, и случайной оказией»³³.

В следственном деле Н. В. Нумерова хранятся сводки, в которых сообщается о хиротониях, перемещениях, награждениях, кончинах священнослужителей, действиях раскольников и сопротивлении им, приводится большой фрагмент письма архиепископа Анастасия (Грибановского) о его поездке в Палестину³⁴. Сообщается о послании Патриарха Сербского Димитрия с извещением о восстановлении Патриаршества в Сербии и об избрании его на Патриарший Престол и приводится большая выдержка из этого письма.

Некоторые сводки весьма любопытны, поскольку в них содержатся фрагменты не дошедших до нас посланий первоиерархов. Так, говорится о том, что от Патриарха Антиохийского³⁵ получено послание с соображениями о подчинении Сирийской Церкви в Америке непосредственно управлению Антиохийского Патриаршего Престола³⁶.

Хроника, вероятно, представляла собой выписки для быстрого ознакомления с текущими известиями Патриарха и членов Священного Синода.

В заключении по делу В. Н. Нумерова от 19 ноября 1922 г. говорилось:

«Произведенным следствием и показаниями самого Нумерова установлено, что он, занимая техническую должность делопроизводителя Синода, в церковной политике играл самую незначительную роль»³⁷.

Найденный материал был признан не имеющим компрометирующего характера. Под арестом Нумеров не содержался. Если бы ГПУ попался на глаза список епархий и письмо Николая Васильевича к архиепископу Евлогию, вероятно, вывод сотрудника 6-го отделения Секретного отдела ГПУ был бы совсем другим.

³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-25384. Л. 7–7 об.

³⁴ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 697–699.

³⁵ Имеется в виду Григорий IV (Аль-Хаддад), Патриарх Антиохийской Церкви (с 1906 г.).

³⁶ См.: Неизвестные обращения и послания Святителя Тихона // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. С. 244–247.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-25384. Л. 17.

Списки архиереев

К 1924 г. было составлено уже несколько списков архиереев. Они обнаруживаются в следственном деле Николая Борисовича Кирьянова, иподиакона архиепископа Илариона (Троицкого).

В составлении списков епископов не было бы большой вины с точки зрения советской власти – естественно для любых органов управления иметь списки членов своих организаций. В глазах властей было преступлением составление списков с указанием на репрессии и, что еще страшнее, передача этих сведений за границу. Найденные списки давали материал для подготовки обвинения Патриарха Тихона в пересылке за границу сведений о репрессиях в отношении духовенства, что можно было инкриминировать как шпионаж³⁸.

Среди списков, хранившихся у Кирьянова, был найден «Список канонических архиереев, проживающих в России», датированный 26 августа 1924 г. Имена архиереев расположены по алфавиту, содержат наименование кафедры, фамилии отсутствуют. Список имеет собственноручную правку Святейшего Патриарха Тихона. Другой вариант списка был составлен в виде таблицы в алфавитном порядке по кафедрам с указанием на местонахождение (часто – «ссылка или тюрьма»). Имелись и другие варианты списков, на одном из них стоит дата – 3 сентября 1924 г. На первом листе этого списка помета следователя А. В. Казанского: «Таких списков найдено 8».

В деле оказалось несколько списков архиереев, находящихся в «обновленческом расколе». Самый ранний назывался «Список архиереев, перешедших в еретичество». Он составлен не по алфавиту, первым значится митрополит Сергей Владимирский – «сидит в тюрьме». Судя по этому факту, год создания списка 1923-й. В списке 29 имен.

Одним из первых мартирологов можно назвать «Список архиереев, убитых с 1917 года».

Еще один вид списка, содержащий 209 имен, предварен молитвой: «Сохрани Господи всех православных святителей, право правящих слово Твоя истины». Здесь соблюдается алфавитный принцип, но имена расположены по кафедрам. Список составлен в виде таблицы из трех столбцов: в первом имя и наименование, во втором вид репрессии, в третьем географическое название места ссылки или заключения. Попали сюда и уехавшие владыки. Например, митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский). Пометки не лишены эмоциональности. Например «Епископ Костромской Севастиан – валялся в живоцерковной скверне, покаялся, сидел в тюрьме, живет в Москве»³⁹.

Кроме того, в деле имеется поминальный список, начинающийся словами: «Поминайте об упокоении». Далее значится: «О памяти и оставлении грехов рабов Божиих – Убиенных митрополитов (после именованя каждого сана следует список), архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, иеромонахов, протоиереев, диаконов, иеродиаконов, игумений, монахов и иже с ними рабов Божиих». Списки были, несомненно, результатом деятельности нескольких человек, включая самого Патриарха Тихона.

Н. Б. Кирьянов, арестованный 10 декабря 1924 г., в показаниях, записанных следователем А. В. Казанским, говорил:

«История отпечатанных списков такова. Я бывал иногда у Патриарха Тихона, который знал меня как иподиакона Иллариона [так в тексте; следует: Илариона]. Должен, однако,

³⁸ См.: Сафонов Д. Смерть св. Патриарха Тихона «спасла» его от расстрела. Интернет-ресурс http://www.pravoslavie.org.ua/index.php?r_type=&action=fullinfo&id=6493

³⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44594. Л. 43, 45.

сказать, что в иподиаконы я не посвящался. В одной из моих бесед с ним Тихон пожаловался на неимение систематизированных сведений об епископате и просил меня составить список епископата в алфавитном порядке; во исполнение этой просьбы я составил рукописный список с подразделением его на епископат, посвященный после освобождения Тихона, и бывших в обновленческом расколе, а также и находящихся в заключении. Список этот – есть та тетрадка с заглавием “Список канонических архиереев, проживающих в России”, которая была найдена у меня при обыске. При представлении мной этой тетради Тихону последний сделал в ней некоторые дополнения и исправления...»⁴⁰

Святейший Патриарх Тихон, судя по материалам его следственного дела, попросил Н. Б. Кирьянова принести эти списки и сделал на них некоторые правки. «Мне интересно было знать, – показывал Святейший Патриарх, – кто из архиереев арестован, кто сослан, кто канонический, кто неканонический. Я своей рукой исправил неточности в списках»⁴¹.

Документы следственных дел говорят о том, что в составлении списков принимали участие весьма видные церковные деятели, такие, как профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов и его ученик А. М. Тьевар, архиепископ Феодор (Поздеевский).

Иван Васильевич Попов, доктор церковной истории, приват-доцент Московского университета, после закрытия академии продолжал преподавать на созданных епископом Феодором (Поздеевским) Высших богословских курсах, куда были приглашены некоторые профессора Московской духовной академии. Там преподавали Преосвященный Феодор (Поздеевский), священник Павел Флоренский, М. А. Новоселов, Н. Д. Кузнецов и др.

В 1920 г. И. В. Попов был арестован в связи с тем, что от имени сергиево-посадских общин подал протест против изъятия мощей прп. Сергия. И. В. Попову довелось послужить Русской Православной Церкви своими познаниями, даром проникновения в сущность сложных церковных ситуаций, исповедничеством и мученичеством. Несомненно, это был выдающийся богослов-историк и автор серьезных работ о современном ему периоде (ему приписывают главную роль в составлении известного «Соловецкого послания» 1926 г.). Немалой заслугой ученого является составление списков епископата, за которые он и был арестован 12 октября 1924 г.

Кроме цели учета наличного состава епископата в следственных делах указывалась и другая цель составления списков, а именно подготовка к предполагавшемуся в 1925 г. по инициативе Вселенского Патриарха Григория VII Собору всех Православных Восточных Церквей⁴², имелась в виду и борьба с обновленческим расколом⁴³.

Святейший Патриарх Тихон, как показал он на допросе 21 марта 1921 г., «думал послать на ожидаемый 8 Вселенский Собор профессора И. В. Попова как церковного историка, в связи с этим поручил ему подготовиться по всем вопросам, которые должны были обсуждаться на Соборе, в частности по вопросу о живоцерковном расколе». Патриарх говорил: «Попов И. В. в связи с Собором беседовал со мной всего один раз, а может два, точно не помню. Попов занялся этой работой, но она была прервана в связи с его арестом»⁴⁴.

И. В. Попов на одном из допросов давал следующие показания: «Месяц приблизительно назад один из моих знакомых, назвать фамилию которого я не решаюсь, ввиду нежелания подвергнуть его напрасному подозрению, принес мне список, имеющий следующее

⁴⁰ Там же. Л. 82.

⁴¹ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 400.

⁴² В конце 1923 г. Вселенский Патриарх Григорий VII выступил с инициативой созыва Вселенского Собора Восточных Православных Церквей в 1925 г. в Иерусалиме.

⁴³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838.

⁴⁴ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 400.

заглавие: “Список канонических архиереев, проживающих в России” с подразделением – “Список архиереев, находящихся в обновленческом расколе” <...>. Список этот мне принесен без моей просьбы, как к человеку, интересующемуся церковными вопросами; относительно этого списка у меня явилась мысль дополнить его фамилиями епископов, которых там не было. Несколько позднее я решил дополнить этот список графой о судимости, привлечении к ответственности и ограничениях в административном порядке, которые применялись соввластью к епископату за последнее время, чтобы иметь ясную картину положения епископата»⁴⁵. Очевидно, что речь идет о тех самых списках, которые были обнаружены в деле Н. Б. Кирьянова. На вопросы следователя, от кого он получил эти списки, Иван Васильевич категорически отказался отвечать.

Всю ответственность за составление списков И. В. Попов взял на себя. Он говорил на допросе: «Главным образом список составлялся только мной, по личным сведениям, из прессы, в порядке частной информации от некоторых лиц, припомнить которых затрудняюсь, так как сведения эти слагались у меня в голове в течение нескольких лет...»⁴⁶ «Как эти списки были бы использованы для Собора – я не знаю: может быть, как материал для делегатов, может быть, для посылки на собор, в случае разрешения выезда, может быть, для написания и посылки какого-либо доклада»⁴⁷.

Больше всего следователя интересовали, конечно, списки ссыльных и заключенных епископов. Следователь М. Д. Соловьев допытывался:

«Сознаете ли Вы, что, думая оглашать за границей списки епископата, подчеркивая в списках арестован[ных], сосланных Совет[ской] властью, не давая объяснений, почему это произошло, Вы тем самым вызывали враждебное отношение по отношению Советской власти со стороны капиталистических государств»⁴⁸.

Профессор отвечал с достоинством:

«Я это думал делать в интересах церкви, как это могли использовать гражданские власти капиталистических государств, это меня не касалось. Я лично думаю, что закон не налагает обязанности на граждан умалчивать об этих актах»⁴⁹.

Антон Максимович Тьевар помогал своему учителю собирать сведения для списков, но главная работа, по словам Попова, была сделана им самим. Один из списков И. В. Попов направил в Даниловский монастырь, с тем чтобы архиепископ Феодор (Поздеевский) внес недостающие сведения о себе и других архиереях. Список был передан архиепископу Феодору 3 декабря 1924 г.⁵⁰

Передала список Варвара Николаевна Невахович, дочь адмирала, сестра милосердия в годы Первой мировой войны, неутомимая помощница ссыльных и заключенных исповедников, уже испытывавшая Соловки. Деятельность Варвары Невахович вызывала у работников следствия очень большие подозрения. Чего стоили хотя бы ее визиты в Чехословацкую миссию с целью получения посылок для арестованных епископов!.. Возможно, и она участвовала в передаче информации за рубеж. Варвара Николаевна была арестована 17 декабря 1924 г.

Следователь спрашивал И. В. Попова об участии Святейшего Патриарха Тихона в составлении и пересылке списков:

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 12.

⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 48.

⁴⁹ Там же. Л. 48–48 об.

⁵⁰ Там же.

«Говорили ли Вы Поздеевскому, что списки Вами составлялись по распоряжению Патриарха Тихона?»

Профессор Попов отвечал:

«Я говорил Поздеевскому, что Патриарх одобрил мое намерение собрать фамилии канонических епископов, так как у Патриарха список епископов был без фамилий»⁵¹.

Особенно интересовала следователя информация о списках репрессированных, но и здесь он не получил фактов, которые могли повредить Патриарху. Иван Васильевич показывал:

«О моем намерении собрать сведения о судимости епископов он не знал, так как в то время у меня этой мысли не было». «Я готовился к вселенскому собору по своей инициативе, Патриарх мне никаких распоряжений о подготовке к вселенскому собору не давал»⁵².

Следователь добивался сведений об участии в составлении списков еще одного церковного деятеля – митрополита Крутицкого Петра (Полянского). На допросе, происходившем 26 апреля 1925 г., И. В. Попову предлагались такие вопросы:

«Какое участие в составлении списков принимал митрополит Петр Полянский?»

Ответ: Я просил Петра Полянского указать фамилии епископов, но ответа не получил»⁵³.

Вопросы были заданы не случайно. В списке агентурных разработок⁵⁴, ведущихся 6-м отделением СО ОГПУ, составленном Е. А. Тучковым 17 марта 1925 г., значилось:

«Шпионская организация церковников. Замешаны: Тихон, митрополит Петр, архиепископ Федор, профессор-церковник Попов и ряд других лиц из мирян и попов. Организация поставила целью собрать сведения о положении церкви в СССР и информировать заведомо недобросовестно за границу путем печатных и даже личных выступлений. Последние предполагались на предстоящем вселенском соборе. Дело заканчивается следственной разработкой»⁵⁵⁵⁶.

Профессора И. В. Попова настойчиво спрашивали о его визитах в Чехословацкую миссию, куда он ходил получать визу для лечения в Карлсбаде. Так и не получив доказательств пересылки за границу списков, ОГПУ все же сочло этот факт несомненным. Следователь Соловьев составил постановление от 21 апреля 1925 г., где И. В. Попов обвинялся в «сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти, для которой цели И. В. Поповым давалась последним явно ложная и неправильная информация о гонениях со стороны Советской власти по отношению церкви и епископата»⁵⁷. Виновным себя И. В. Попов не признал. Примерно такое же обвинение было составлено и по делу архиепископа Феодора (Поздеевского). Как мы увидим далее, списки архиереев действительно попали за границу.

Составление списков архиереев продолжалось после кончины Святейшего Патриарха. Однако эта деятельность была крайне затруднена, поскольку Высшее Церковное управление вступило в тяжелый период смены церковного руководства, арестованы были все спе-

⁵¹ Там же.

⁵² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 46 об.

⁵³ Там же. Л. 48.

⁵⁴ Агентурно-оперативная разработка – комплексное применение спецслужбой или правоохранительным органом своих средств и методов для негласного изучения интересующего их объекта и осуществления мероприятий по достижению преследуемых целей.

⁵⁵ Следственная разработка – вид оперативной деятельности органов госбезопасности по выявлению и документированию антигосударственной деятельности того или иного лица (или группы лиц), находящегося под следствием, осуществляемый с использованием лиц, оказывавших содействие на конфиденциальной основе.

⁵⁶ Цит. по: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1956. С. 166.

⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-40838. Л. 49.

циалисты по организации подобного учета. М. Е. Губонин писал: «Как ни насущна была необходимость продолжать ведение четких и исчерпывающих списков современных иерархов, дело это не только не делалось, но пришло в совершенный упадок; неблагоприятные внутрицерковные обстоятельства во второй половине двадцатых годов привели к тому, что даже само Управление Делами Московской Патриархии – постоянно все-таки существовавшее, хотя и в самом примитивном виде, – нередко совершенно не представляло себе того, что происходит в тех или иных епархиях в смысле наличия там представительства канонической Иерархии Русской Церкви»⁵⁸.

В качестве яркой иллюстрации этого М. Е. Губонин приводит следующий факт: когда митрополит Сергей (Страгородский) сообщал в письме от 14 декабря 1925 г. о своем вступлении в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, он «не знал, кто именно из архиереев в то время управлял Московской епархией»⁵⁹.

В Соловецком лагере кроме И. В. Попова находились в заключении деятели, которые, как и он (а может быть, вместе с ним), продолжали дело составления списков архиереев. Таким деятелем был Леонид Дмитриевич Аксенов. Земляк Патриарха Тихона (родился в г. Торопце), знавший его с детства, юрист по образованию, он был весьма влиятельным лицом в высших церковных сферах.

В 1903–1910 гг. служил помощником обер-секретаря Сената. В 1917 г. работал в Синодальной типографии, был членом ревизионной комиссии Александро-Невской лавры. О его включенности в церковную жизнь говорит тот факт, что летом 1917 г. Леонид Дмитриевич участвовал в работе Всероссийского съезда ученого монашества, причем был единственным членом съезда от мирян по разрешению председателя комиссии при Святейшем Синоде по делам монашества⁶⁰.

Л. А. Аксенов был членом Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Арестован в 1924 г. и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В те годы в Соловецком лагере были сосредоточены десятки епископов, что дало Леониду Дмитриевичу возможность собрать немало ценных сведений о положении иерархов и епархий. В его следственном деле 1937 г. имеются показания архиепископа Питирима (Крылова) о том, что «еще в 1924–1926 гг. Аксенов, отбывая наказание в Соловецких лагерях, допрашивал почти каждого вновь прибывшего туда служителя религиозного культа с целью установления как причины заключения в лагерь, так и положения церковных дел на местах»⁶¹. Митрополит Мануил (Лемешевский) упоминает о составлении Л. Д. Аксеновым в Соловецком лагере каталога архиереев⁶².

Это подтверждается и М. Е. Губониным, который в списке источников своего труда «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне» указал следующий документ: «Алфавитный список иерархов Православной Российской Церкви, пребывающих в пределах СССР (Проверен по 13? – 26.8.1927 года). – Аксенов Л. Д. Рукопись»⁶³.

К вышесказанному можно добавить, что при аресте несколько лет спустя, в 1935 г., у И. В. Попова были изъяты письма, среди которых были и полученные из «заграницы»⁶⁴, что говорит о его личных связях с эмигрировавшими деятелями.

⁵⁸ Губонин М. Е. Введение [в историю Российской иерархии] // История иерархии Русской Православной Церкви. С. 824.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Кроме него были члены съезда с правом совещательного голоса (ревнители ученого монашества), среди которых был М. А. Новоселов и др. (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 140).

⁶¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429. Л. 149–150.

⁶² См.: Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 год (включительно): В 6 т. Т. 6. Erlangen, 1989. С. 520.

⁶³ Современники о Патриархе Тихоне / Сост. и авт. коммент. М. Е. Губонин. Рукопись.

⁶⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. 34383. Т. 2. Л. 58.

Контакты Святейшего Патриарха Тихона с Патриархами и церковными деятелями за рубежом

Первые послания Патриарха Тихона за границу связаны с его избранием на Патриарший престол и интронизацией. Это были послания Главам Православных Церквей. В первые месяцы после избрания и происшедшей почти одновременно Октябрьской революции Святейший Патриарх Тихон постарался вступить в письменное общение с возглавителями других Православных Церквей. В связи с интронизацией 21 ноября / 4 декабря 1917 г. Святейший Патриарх отправил «Окружное послание Восточным Патриархам и митрополитам – главам автокефальных Церквей о восстановлении Патриаршества в Православной Русской Церкви и своем избрании в Патриарха Московского и всея России»⁶⁵. Известно, что в том же 1917 г. им было отослано послание Иерусалимскому Патриарху Дамиану⁶⁶.

Восточные Патриархи особыми грамотами приветствовали восстановление в России патриаршества и самого Святейшего Патриарха Тихона.

15 (28) мая 1918 г. Патриарх Тихон посылает послание Константинопольскому Патриарху Герману V о гонениях, воздвигнутых на Церковь в России⁶⁷. Патриарх Тихон сообщил о гибели митрополита Владимира Киевского, протоиерея Петра Скипетрова, убитого в Александро-Невской лавре, других священнослужителей, писал о лишении Церкви прав собственности, изгнании преподавания закона Божиего из школ и других проявлениях начавшегося гонения. «В неисповедимых судьбах Господних ныне приспело время опять пострадать Российской Церкви», – пишет он и просит молитв Константинопольской Церкви.

21 января 1919 г. Патриарх Тихон вновь обратился к Патриарху Константинопольскому Герману V⁶⁸. Его побудило к написанию послания поручение Священного Собора Православной Российской Церкви обсудить с Константинопольским Патриархом календарные вопросы, которые рассматривались на заседании Собора 27 января 1918 г. Соединенное заседание отделов «О богослужении» и «О правовом положении Церкви в государстве» постановило, что Церковь пока должна пользоваться в своем обиходе старым стилем⁶⁹. По словам Святейшего Патриарха Тихона, «вследствие затруднительности в то время заграничных сношений»⁷⁰ ответ получен не был.

Следующее известное нам послание к Вселенской Патриархии датировано 12 марта 1922 г. Оно было опубликовано в газете «Церковные ведомости» и адресовано Местоблюстителю Престола Вселенского Патриарха Высокопреосвященнейшему Николаю, митрополиту Кесарийскому, хотя с 25 ноября 1921 г. на Вселенский Патриарший престол уже вступил Патриарх Мелетий IV (Метаксакис). Эта грамота касалась автокефалистского самосвятского движения на Украине. Изложив историю движения, целью которого было «посеять вражду между Великороссами и Малоруссами (Украинцами), внушить последним, что Москва – истонный их враг, и привести их к разрыву всякой церковно-религиозной связи, чтобы облегчить пути инославной пропаганды в Украину», Патриарх писал: «Затрудняясь по обстоятельствам настоящего нашего положения сноситься с прочими Патриархами Восточными,

⁶⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 68.

⁶⁶ См.: Там же. С. 66.

⁶⁷ См.: Там же. С. 130–133.

⁶⁸ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 663.

⁶⁹ См.: Деяния Священного собора Православной Российской Церкви. Т. 6. М., 1996. С. 186; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: Обзор Деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева, Г. Шульц; Под общ. ред. Г. Шульца. М., 2001. С. 42.

⁷⁰ Акты Святейшего Тихона... С. 333.

смирненно просим осведомить относительно церковных нестроений на Украине Блаженнейших Патриархов Александрийского Фотия, Антиохийского Григория и Иерусалимского Дамиана и да изрекут они вместе с Вами слово осуждения новому раскольническому движению на Украине и кощунственной иерархии ея»⁷¹.

Однако вместо поддержки Русской Церкви в ее скорбях Вселенская Патриархия сделала все, чтобы усугубить тяжелое положение Церкви-сестры⁷². В мае – июне 1923 г. Константинопольским Патриархом Мелетием IV был созван «Всеправославный конгресс», на котором отсутствовали уполномоченные от Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Всероссийского Патриархатов. Важнейшими решениями совещания были: о календарной реформе, втором браке священников и диаконов, другие неканонические нововведения. Восточные Церкви – Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская – отвергли постановления совещания как не соответствующие преданию и учению Святой Церкви.

Прискорбное совпадение решений Константинопольского Патриархата с новшествами обновленцев давало последним большие козыри и еще не раз осложняло течение церковной жизни в России. Под давлением начальника 6-го отделения СО ГПУ-ОГПУ Е. А. Тучкова святитель Тихон согласился на введение григорианского календаря в Русской Церкви. На новый стиль предполагалось перейти с 15 октября 1923 г.

Тем временем до Святейшего Патриарха Тихона дошли сведения об отрицательном отношении ряда Православных Церквей к переходу на новый календарь. Это обстоятельство, а также протест церковного народа дали основание Святейшему, воспользовавшись задержкой в обнародовании послания, 8 ноября 1923 г. сделать распоряжение о приостановлении введения григорианского календаря в церковное употребление⁷³.

В июне 1924 г. Патриарх Тихон отправил послание Патриарху Константинопольскому Григорию VII. Это послание касалось выписок из протоколов заседаний Священного Константинопольского Синода, переданных Святейшему Патриарху Тихону представителем Константинопольского Патриархата архимандритом Василием (Димопуло), где говорилось о намерении Вселенского Патриарха послать в Россию особую миссию, уполномоченную изучать положение дел в связи с происходящими разделениями и действовать в пределах определенных инструкций⁷⁴. Главным пунктом инструкции явилось пожелание, чтобы Всероссийский Патриарх «ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал Собою, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упразднилось Патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах...»⁷⁵.

Патриарх Тихон выразил недоумение тем, что без предварительных сношений с ним в нарушение канонов было произведено это вмешательство во внутреннюю жизнь автокефальной Русской Церкви, что грозило углублением смуты и раскола в жизни многострадальной Русской Церкви⁷⁶. Патриарх Григорий VII не ответил, в ноябре 1924 г. он скончался.

Что касается Патриарха Антиохийского Григория IV, который возглавлял Антиохийскую Церковь с 1906 г. и в 1913 г. по приглашению Государя прибыл в Россию на романовские торжества, он оставался другом Русской Православной Церкви и в годы испытаний. Осенью 1921 г. архиепископ Евлогий (Георгиевский) переслал Патриарху Тихону письмо Патриарха Антиохийского Григория IV относительно устройства арабской церкви в Аме-

⁷¹ Церковные ведомости. 1922. № 4.

⁷² См.: Мазырин А., свящ. Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол. Интернет-ресурс <http://www.bogoslov.ru/text/477054.html>; Вісник прес-служби УПЦ. 2009. Жовт. Вип. 97. С. 10–17.

⁷³ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 300.

⁷⁴ См.: Там же. С. 322.

⁷⁵ Там же. С. 322.

⁷⁶ См. об этом подробнее: Мазырин А., свящ. Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол.

рике⁷⁷. По словам архиепископа Евлогия, это была уже вторая попытка Антиохийского Патриарха установить связь с Патриархом Тихоном.

М. Е. Губонин указывает, что Святейший Патриарх Тихон в феврале 1922 г. направил Святейшему Григорию ответное послание⁷⁸. Не позднее 22 марта 1922 г. оно было переслано архиепископу Евлогии, который передал его митрополиту Антонию (Храповицкому) для пересылки Патриарху Антиохийскому⁷⁹. В нем Святейший Патриарх Тихон сообщал об отправке в Америку «для упорядочения церковной жизни» митрополита Евлогия, это поручение, как известно, не осуществилось.

Позиция Антиохийского Патриарха по отношению к Патриарху Тихону и обновленческому расколу ярко выразилась после кончины Святейшего Тихона, в послании Патриарха Григория IV от 9 сентября 1925 г., где он писал, что признает только ту Церковь в России, которая возглавлялась Святейшим Патриархом Тихоном и которая всегда отличалась «искреннейшей преданностью и верностью Св. Православной вере», всех же отступников от известных основных начал Св. Православной Церкви и веры Патриарх Григорий IV предавал анафеме как «действующих бесовским духом испорченного мира сего»⁸⁰.

В 1922–1923 гг. Святейшему Патриарху Тихону удалось обменяться письмами с новым избранным Сербским Патриархом Димитрием⁸¹.

28 августа 1921 г. Патриарх Сербский и архиепископ Белградский Димитрий направил Святейшему Патриарху Тихону известительное послание о своем избрании на Патриарший Престол Сербской Православной Церкви и подробно описал обстоятельства его интронизации. Послание увидело свет на страницах газеты «Церковные ведомости»⁸². Машинописная копия этого послания обнаружена в следственном деле Патриарха Тихона. Это послание было передано митрополитом Антонием (Храповицким) Святейшему Патриарху Тихону через архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), которому митрополит Антоний писал:

«Ваше Высокопреосвященство, Достопочтенный Собрат и Владыка. Не откажите в большом одолжении – перешлите нашему Свят[ейшему] Патриарху Мирную грамоту Патриарха Сербского с верной оказией»⁸³.

Грамота была переслана Патриарху с настоятелем Жировицкого монастыря в Гродненской епархии архимандритом Тихоном (Шараповым).

16 марта 1922 г. последовала ответная грамота Святейшего Патриарха Тихона с приветствием Святейшего Димитрия и благодарностью за прием русских архиереев-беженцев. Патриарх Тихон писал:

«Сердце наше тем более исполнено чувства радости и благодарности Вашему Блаженству, что Мы живо сознаем все то добро, какое сделано и делается Вами по отношению к русским изгнанникам – епископам, клирикам и мирянам, которые, силою обстоятельств оказавшись за пределами своей родины, нашли себе радушие и приют в пределах Сербской патриархии. Да воздаст Господь сторицею Вам за сие благодеяние. Да будут благословенны дни Вашего Патриаршества»⁸⁴.

⁷⁷ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 696.

⁷⁸ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 186.

⁷⁹ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 707.

⁸⁰ Акты Святейшего Тихона... С. 421.

⁸¹ См.: Переписка святителя Тихона со Святейшим Димитрием, Патриархом Сербским и Архиепископом Белградским / Публ. прот. В. Воробьева, О. Н. Ефремовой, В. И. Косика, О. В. Косик // Богословский сборник. 2000. № 6. С. 251–267.

⁸² См.: Церковные ведомости. 1922. № 8–9.

⁸³ ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. Оpubл.: Из архива архиепископа Иоанна (Поммера). Письма митр. Антония (Храповицкого) к архиепископу Иоанну / Публ. Ю. Сидякова. Интернет-ресурс http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2009/01/16.pdf

⁸⁴ Переписка святителя Тихона со Святейшим Димитрием, Патриархом Сербским и Архиепископом Белградским. С. 262.

Копия послания хранится в архиве Архиерейского Синода⁸⁵, она опубликована в «Церковных ведомостях»⁸⁶.

Патриарх Димитрий 20 августа 1923 г. написал ответ на это послание, который остался нам неизвестен.

В послании Патриарха Тихона Святейшему Димитрию от 14 ноября 1923 г.⁸⁷ изложены события, происходящие в жизни Русской Православной Церкви: смута, произведенная обновленцами, их лжесобор, на котором они пытались отстранить Святейшего Патриарха от власти⁸⁸. В этом послании Патриарх касался «Всеправославного Конгресса», созванного в мае-июне 1923 г. Константинопольским Патриархом Мелетием IV, на котором были приняты решения о календарной реформе и о втором браке священников и диаконов.

Патриарх писал:

«Дошли до нас известия о тех суждениях по разным церковным вопросам, которые были на Константинопольском Православном Конгрессе, хотя мы непосредственно никакого сообщения от Вселенского Патриарха не получали. Постановление об исправлении церковного времясчисления принципиально приняли и мы, после тщательного рассмотрения сего вопроса с нашими епископами, и по сему предмету обращаемся к верующим с особым посланием, при сем прилагаемым. Но так как послание это по не зависящим от нас обстоятельствам крайне запоздало выходом из печати, то приходится обязательное введение нового времясчисления с 1-го октября отложить временно, тем более что ныне стало известно нам, что Православные Церкви Востока отложили введение нового стиля в церковное употребление. В согласии с Востоком день Св. Пасхи мы будем в следующем году праздновать 14/27 апреля».

21 июня 1923 г. Сербский Патриарх Димитрий уведомил Константинопольского Патриарха Мелетия, что решение «Всеправославного конгресса» о календарных реформах может быть принято только при условии, что оно будет введено одновременно во всех Православных Церквях. Патриарху Тихону стало известно и послание Патриарха Александрийского Фотия на имя Святейшего Патриарха Антиохийского Григория от 23 июня 1923 г., где Александрийский Патриарх писал, что считает рассмотрение вопроса о календаре и других подобных «несвоевременным, абсурдным, бесцельным»⁸⁹. Это послание попало в следственное дело Н. Б. Кирьянова, где хранились и другие документы, известные Патриарху Тихону, такие, например, как списки архиереев.

Патриарх коснулся и тех нововведений, обсуждавшихся на Константинопольском «Всеправославном конгрессе», которые нарушают апостольские правила. Он писал: «Когда к нам обращаются второбрачные клирики или женатые на вдовах, появившиеся при самочинном церковном управлении и прельстившиеся постановлением незаконного Собора 1923 г., мы всех таковых запрещаем в служении, пока этот вопрос не будет разрешен всею Православною Церковью»⁹⁰.

В Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей данное послание попало в числе нескольких других документов, на них имеются рукописные номера. В

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 3. Л. 61–61 об.

⁸⁶ Церковные ведомости. 1922. № 5. С. 3–4.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 3. Л. 61–63.

⁸⁸ С 2 по 9 мая 1923 г. проходил обновленческий лжесобор («Второй Поместный Собор Православной Российской Церкви»), пытавшийся узаконить противоканонические реформы ВЦУ: «о белом женатом епископате», «о второбрачии духовенства», «о мощах», «о реформе календаря» и др. Главной целью «лжесобора» было принятие резолюции о лишении Святейшего Патриарха сана и монашества.

⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44594. Л. 56.

⁹⁰ Переписка святителя Тихона со Святейшим Димитрием, Патриархом Сербским и Архиепископом Белградским... С. 266.

сопроводительном письме к данным документам говорилось о присылке следующих пяти документов:

- 1) послание Патриарха Тихона к Патриарху Димитрию;
- 2) послание от 15 июля 1923 г. по поводу вступления Патриарха Тихона в управление Церковью после освобождения из заключения;
- 3) послание о введении нового стиля с припиской о приостановлении приведения в исполнение этого распоряжения;
- 4) «каноническое послание епископов, оставшихся верными Патриарху и не принимавших участия в нашей церковной смуте»;
- 5) письмо архиепископа Тверского Серафима, архиепископа Илариона и архиепископа Уральского Тихона к обновленческому синоду⁹¹.

В деле № 263 обнаружены первый, второй и пятый документы. Третий документ в деле отсутствует, но он стал известен и введен в научный оборот⁹². Документ под № 4⁹³ до сих пор нам не встречался, хотя факт написания такого послания крайне интересен. Возможно, о нем писал Патриарх Тихон в письме к Константинопольскому Патриарху Григорию, говоря о голосе верного Православия и Церкви епископата, который, «получив разрешение на собрание, еще в июле 1923 г. соборным голосом осудил обновленцев, как схизматиков, а ко мне обратился с просьбой стать снова во главе Русской Православной Церкви и быть ее кормчим до того момента, когда Господу Богу угодно будет даровать мир Церкви голосом Всероссийского Поместного Собора и засвидетельствовать перед всем миром нашу правду»⁹⁴.

В анонимном сопроводительном письме к пакету документов говорилось:

«Каноническое послание подписано 25-ю епископами, но вследствие стеснений, которым подвергается Православная Церковь, и поддержки, оказываемой правительством мятежным епископам и священникам, оно до сих пор не могло быть опубликовано во всеобщее сведение. При попытке его огласить епископы, давшие под ним свою подпись, были бы немедленно арестованы. Поэтому послание распространяется только в рукописи и без подписей, подлинник же хранится в надежном месте. Лицо, у которого оно хранится, должно было сообщить имена Архиереев, подписавших этот документ, пишущему эти строки для передачи Вашему Святейшеству, но не могло этого сделать, потому что на днях было арестовано и заключено в тюрьму. Ввиду этого не представляется возможным в настоящую минуту поставить на копии этого документа ни даты, ни подписей»⁹⁵.

Сопроводительное послание датировано 8/21 ноября 1923 г.

Указанные документы поступили для ознакомления в Архиерейский Синод от Святейшего Патриарха Сербского Димитрия, о чем была сделана запись № 38 в журнале Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 17 (30) декабря 1924 г., а к нему они попали от неких московских церковных деятелей. В вышеприведенном сопроводительном письме говорится: «В настоящее время в Москве идут повальные обыски и массовые аресты, цель которых – напасть на след заграничных сношений. Из этого, Ваше Святейшество, изволите усмотреть, с какой опасностью сопряжена переписка, подобная настоящей, для лиц, принимающих в ней участие. Поэтому для нас было бы очень важно, чтобы о

⁹¹ Одна из копий этого письма хранится в ЦА ФСБ РФ (Д. Н-1780. Т. 4. Л. 358). Оpubл. в статье Н. А. Кривошеевой «Кто же является распространителем “ложных слухов”?» // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 112–119.

⁹² Вероятно, это «Послание Патриарха Тихона к православному народу о реформе календаря в Русской Православной Церкви» (см.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 360–362), «Распоряжение Патриарха Тихона об отмене постановления о введении в церковное употребление нового календарного стиля» (см.: Там же. С. 362–363).

⁹³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 166.

⁹⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 324.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 166.

получении Вашим Святейшеством письма от Патриарха Тихона не появилось сообщения в печати, особенно в русских газетах, издаваемых эмигрантами. Но мы просили бы Ваше Святейшество осведомить обо всем сообщаемом как сербских, так и русских архиереев, проживающих в Сербии»⁹⁶.

Из вышеизложенного следует, что хотя и с большими трудностями и задержками, но все же осуществлялась связь Святейшего Патриарха с главами других Православных Церквей, прорывающая информационную блокаду и дающая ему моральную поддержку, хотя в некоторых случаях (это касается Константинопольского Патриархата) подобные контакты усугубляли и без того тяжелое положение Святейшего Патриарха Российской Церкви.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 168–169.

Материалы о положении Русской Церкви в архиве Архиерейского Синода РПЦЗ и на страницах газеты «Церковные ведомости» в первой половине 1920-х гг.

Корреспонденции из России широко использовались редакцией газеты «Церковные ведомости» – органа Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. Газета издавалась в г. Сремские Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев) с 1922 г., с 1925 г.; ее редактором был секретарь Архиерейского Синода Е. Махароблидзе, который обычно писал редакционные вступления к материалам о церковной жизни в Советской России. Обзорные статьи часто имели подзаголовки, например «По официальным сообщениям, актам и письмам».

Начиная с первых номеров издания на его страницах помещаются материалы о положении Церкви в оставленной стране – документы, послания, обзоры. Так, в номере от 15 (28) апреля 1922 г. опубликовано послание Святейшего Патриарха Тихона к архипастырям и пастырям Православной Российской Церкви, от 4 (17) ноября 1921 г. о недопущении искажения богослужебных чинопоследований. В следующих номерах опубликована приветственная грамота Патриарху Сербскому Димитрию⁹⁷, ответная грамота Сербского Патриарха⁹⁸ и другие послания Святейшего Патриарха Тихона.

В газете отражена кампания в защиту Патриарха с призывом осудить самочинные соборы вышедших из послушания Святейшему Патриарху – украинских самосвятов и обновленцев. В № 3–4 опубликовано послание Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей – Святейшим Патриархам Восточным, главам Автокефальных Православных Церквей, Православным архиереям, всему священному клиру и всем православным христианам с просьбой оказать поддержку Патриарху Тихону. В № 9–10 напечатана грамота Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохийского, в поддержку Патриарха Тихона и архиепископа Автокефальной Церкви Кипрской на имя митрополита Антония с уверением в преданности канонам и обычаям Православной Церкви. И далее регулярно публикуются в газете сообщения об акциях в поддержку Патриарха Тихона.

Достаточно часто печатаются статьи о положении Святейшего Патриарха и Православной Церкви в России.

К 1924 г. сношения с заграницей стали еще более затруднительными. Органы власти к этому времени приложили максимум усилий, для того чтобы взять под контроль всю переписку Патриарха с зарубежными деятелями Церкви.

«Трудно наше положение при отсутствии руководящих указаний от Св. Патриарха Тихона, оттуда ничего не слышно, – точно из могилы», – писал митрополит Евлогий архиепископу Иоанну (Поммеру)⁹⁹. Однако сведения о церковных событиях в России продолжали поступать за границу.

Свидетельство этому письмо, написанное, скорее всего, очень известным церковным деятелем. Письмо обнаружено в архиве Джорданвилльской Свято-Троицкой духовной семинарии. В конце документа машинописью приписано: «Из письма С. май 1924 г.». Возможно, мы никогда бы не узнали имя корреспондента, если бы кто-то не раскрыл своей рукой сокра-

⁹⁷ См.: Церковные ведомости. 1922. № 5.

⁹⁸ См.: Там же. № 8–9.

⁹⁹ Из архива архиепископа Иоанна (Поммера). Интернет-ресурс http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2009/03/02.pdf

щение: «Самарина». Это письмо было послано вместе со списками архиереев, о которых говорилось выше¹⁰⁰.

Александр Дмитриевич Самарин в 1915 г. был обер-прокурором Святейшего Синода. Его кандидатура была выдвинута на Московском съезде епархиального духовенства и мирян на Московскую митрополичью кафедру группой делегатов-мирян во главе с М. А. Новоселовым при участии Н. Д. Кузнецова, князя Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова. Выдвижение мирянина на архиерейскую кафедру было событием беспрецедентным, другим кандидатом был архиепископ Тихон (Беллавин), будущий Патриарх, которого и избрали. На Соборе 1917–1918 гг. А. Д. Самарин исполнял должность товарища Председателя Священного Собора. Возглавлял правление Совета объединенных приходов г. Москвы. А. Д. Самарин был очень влиятельным, авторитетным и стойким церковным деятелем, который, как и архиепископ Феодор, ревностно следил за контактами Патриарха с властями, беспокоясь, не будет ли допущен опасный для Церкви компромисс.

М. Е. Губонин включил в свой сборник «Современники о Святейшем Патриархе Тихоне» рассказ Г. И. Червякова «Самарин в Донском монастыре», где говорилось:

«Передавали, что А. Д. Самарин, в обществе другого, такого же, как он сам, бывшего высокопоставленного лица, в 1923 г., по освобождении Святейшего из заключения, будучи весьма чувствительно затронутым известным заявлением Патриарха на имя Верховного Суда РСФСР, об изменении ему меры пресечения и проч., решил лично проверить подлинность этого, опубликованного в мировой печати документа, к которому весьма многие и у нас, а особенно за границей, отнеслись как к самой явной фальшивке. С этой целью они направились в Донской монастырь. <...> ...Явившись в Донской на аудиенцию к Святейшему и убедившись из его недвусмысленных слов в том, что заявление действительно написано им лично, хотя, конечно, не без согласования с кем следует (да и странно, если бы было иначе!), – “высокие” визитеры демонстративно удалились, бросив на прощание следующую фразу: “Тогда этот визит наш – последний и, простите, мы больше не будем впредь тревожить Ваше Святейшество”.

В ответ Святейший Патриарх будто бы ничего не ответил и лишь слегка пожал плечами, разведя руки: вам, мол, виднее!»¹⁰¹

Автор письма, о котором говорилось выше, с большим сожалением упоминает о заявлении Патриарха о лояльности, однако вместе с тем он отмечает, что власти не смогли уронить авторитет Патриарха, несмотря на все их усилия.

«Противостоять ГПУ может только Патриарх, – пишет автор, – потому какая-то сила явным образом охраняет его, и над ним при всем своем желании не решаются учинить явного насилия»¹⁰².

Самарин считал, что «Патриарх, к сожалению, легко обнаруживал слабость воли, легко поддаваясь влиянию окружающих». «Я не сомневаюсь, – писал он, – что им не руководит малодушный страх за свою личную безопасность, но ему постоянно ставят в вину бесчисленные аресты, ссылки и расстрелы духовенства, и он невольно останавливается перед новыми жертвами, так как во всех случаях сопротивления Синода намерениям ГПУ месть поражает не Патриарха, а кого-нибудь из его ближайших сотрудников, обвиняемого в противосоветском влиянии на ход церковных дел»¹⁰³.

¹⁰⁰ Большие фрагменты этого письма приводятся в статье: Дивеев. Злой обман // Двуглавый орел (Берлин). 1930. № 38. С. 1834–1837. В ней говорится, что письмо было послано прот. С. Булгакову. Благодарю А. Н. Сухорукова за выявление публикации.

¹⁰¹ Архив ПСТГУ. Современники о Святейшем Патриархе Тихоне. Рукопись.

¹⁰² Архив Свято-Троицкой Джорданвилльской духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8.

¹⁰³ Архив Свято-Троицкой Джорданвилльской духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8.

О роли Самарина в церковной жизни Москвы говорится в обвинительном заключении по его делу (арестован 30 ноября 1925 г.): «а) поставив целью сохранение церкви в качестве активной к[онтр]революционной организации, он с 1917 г. все время старался держать церковь под властью и влиянием лиц, принадлежащих черносотенной группировке, в которой Самарин играл руководящую роль. б) Руководил антисоветской работой Патриарха Тихона до раскаяния последнего перед соввластью, давая линию и тон во всех важнейших вопросах, как, например, во время изъятия церковных ценностей, а после изменения Тихоном политики по отношению к совласти, выдвинул и сорганизовал черносотенное ядро, так называемый “Даниловский синод”, при помощи которого постоянно оказывал давление на Тихона, заставляя поворотить его на старую дорогу. в) Руководил деятельностью им возглавляемой черносотенной группировки в гор. Сергиево-Посаде, состоящей из бывших людей, проводя в жизнь решения и постановления последней. г) Подчинил себе гр-на Полянского Петра Федоровича (митрополита Петра), так называемого Патриаршего Местоблюстителя, руководил работой последнего, корректируя и утверждая даже письменные распоряжения Петра, сносясь с ним через посредствующих лиц и отдав его под контроль черносотенного даниловского синода»¹⁰⁴.

О деятелях «даниловского» направления так отзывались сотрудники ОГПУ:

«Небольшое ядро из бывших людей и черносотенцев <...> вскоре стало играть руководящую и направляющую роль в церкви. Во всех моментах обострения отношений между церковью и соввластью оно принимало непосредственное участие, переходя на роль черносотенной оппозиции тотчас же, как только эта острота утрачивалась.

Это ядро, в которое входили А. Д. Самарин, Саблер, Истомин, Мансуров, Новоселов, Кузнецов и другие, выделяло из своей среды лиц, которым и поручало в важных случаях ту или иную ответственную работу»¹⁰⁵.

Судя по содержанию письма Самарина, оно было не единственным, написанным с целью осветить церковные события определенного временного отрезка, так как автор обещает прислать следующую записку с просьбой «использовать ее в смысле оглашения в возможно широкой степени»¹⁰⁶.

Письмо начиналось словами: «Я попытаюсь в краткой форме обнять все существенное из пережитого Русской Церковью, начиная с освобождения Патриарха». Самарин подчеркивает влияние органов власти на церковную жизнь в стране. Он пишет: «...всякий, пошедший на малейшее соглашение с ГПУ, становится через несколько времени его полным рабом»¹⁰⁷. Автор считает, что эта участь постигла и патриаршее управление. Это произошло путем внедрения в патриаршее управление лиц, согласившихся сотрудничать с ОГПУ. Автор называет архиепископа Тверского Серафима (Александрова) и профессора Московской духовной академии прот. В. П. Виноградова. «Вся Москва убеждена, что эти два лица являются тайными агентами ГПУ и проводниками всех его замыслов в Патриаршем управлении. Их близость с Тучковым, главным следователем по церковным делам в ГПУ, их постоянные визиты к Тучкову и таинственные совещания с ним, их поведение в Патриаршем управлении подтверждают это», — пишет автор письма¹⁰⁸.

Далее в письме говорится о попытках ОГПУ опутать Патриарха и поколебать его авторитет публичным покаянием, рассказывается об основных моментах этого противостояния: арест 25-ти верных епископов и священников, организация Патриаршего Синода, затрудне-

¹⁰⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5 Л. 253.

¹⁰⁵ Там же. Л. 241.

¹⁰⁶ Архив Свято-Троицкой Джорданвилльской духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

ния в его работе – невозможность оглашения решений, постоянное присутствие начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова на этих заседаниях. Далее повествуется о попытках обновленческого синода войти в сношения с Патриаршим Синодом с целью отправить Святейшего на покой, принуждение перейти на новый календарный стиль в Церкви, переговоры с лидером «Живой церкви» Красницким и провал замыслов Тучкова относительно введения Красницкого в органы высшей церковной власти.

А. Д. Самарин касается проблемы сношения с церковной эмиграцией:

«Об управлении заграницными церквами и говорить нечего. Патриарх окружен шпионами, и каждое его движение известно в ГПУ. Сношение его с миром, лежащим по ту сторону границы, невозможно. Каждый официальный акт, посылаемый туда, не может укрыться от правительства, и тогда возникает вопрос о способах его передачи за границу. Если Патриарх послал его частным образом, его обвиняют в незаконных заграницных сношениях, если он обращается к представителю правительства с просьбой о пересылке бумаг, ему или отказывают в этом, или, согласившись, в действительности их не передают. Из-за подтверждения назначения митр[ополита] Платона управляющим американскою церковью была целая буря, в результате которой Патриарх вынужден был его уволить, но, так как ему не позволили назначить другого, то официального извещения об этом в Америку не послано...»

Вместе с тем ознакомлению эмиграции с церковными делами в России Самарин придавал важнейшее значение. В 1923 г. он выслал митрополиту Евлогию большое количество сообщений с просьбой разослать их всем представителям инославных церквей и широко огласить их в русской и заграницной печати. С процитированной запиской Самарин также просил ознакомить митрополита Евлогия и кроме того огласить ее во французских и английских газетах.

Самарин указывал в конце своего письма: «Прилагаю при этом сообщение о положении заключенных и сосланных епископов и их списки. В изложении пришлось отказаться от всех конкретных подробностей, т. к. это может очень отягчить положение потерпевших»¹⁰⁹.

Другим подтверждением связи эмигрантского духовенства с Россией является неотправленное, по-видимому, письмо архиепископа Серафима (Лукьянова) митрополиту Антонию (Храповицкому) от 17 февраля 1925 г.¹¹⁰ Архиепископ Серафим пишет, что ему удалось получить точные сведения о церковных делах в России, которые не могут быть оглашены в печати. Это предостережение понятно, авторы сведений сообщают об ослаблении – физическом и моральном – Патриарха Тихона. Они пишут, что против его распоряжений часто восстают архиереи открыто, и тогда он отменяет свои решения.

Корреспондент, на которого ссылается в письме архиепископ Серафим (или, как думает протоиерей Николай Артемов, несколько корреспондентов или собеседников), – горячий приверженец архиепископа Феодора (Поздеевского), которого считает более твердым и принципиальным защитником церковных интересов, чем сам Патриарх Тихон¹¹¹. В письме епископа Серафима сообщается, что в Москве скопилось 60 архиереев, протест которых сыграл большую роль в деле о новом стиле, о включении Красницкого в церковное управление и принятии в церковное общение отпавшего в обновленческий раскол митрополита Сергия (Страгородского). Особенно автор письма отмечает роль архиепископа Феодора

¹⁰⁹ Архив Свято-Троицкой Джорданвилльской духовной семинарии. Ф. «Тальберг». Кор. 12. Папка 8.

¹¹⁰ Опубл.: *Одинцов М.* Крестный путь Патриарха Сергия // Отечественные архивы. 1994. № 2; Письмо архиепископа Серафима (Лукьянова) митрополиту Антонию (Храповицкому) // Русская Церковь. XX век. Кн. 1: Материалы конференции: История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.) г. Сэнтендре (Венгрия), 13–16 ноября 2001. [Мюнхен]: Изд. Обители Иова Почаевского в Мюнхене, 2002. С. 546–551. См. дискуссию по поводу трактовки этого письма: *Ореханов Г., иерей, Ефремова О. Н.* Новые документы из фондов Архиерейского синода РПЦЗ // Там же. С. 562–572.

¹¹¹ Об этом говорит следующий фрагмент: «...патриарх отменил свое распоряжение о приеме Красницкого, и с этого времени он всегда стал считаться больше всего с мнением епископа Феодора, хотя раньше сам отстранил его от кафедры епископа Волоколамского» (Русская Церковь. XX век. С. 547).

(Поздеевского) в отстаивании чистоты православия, его авторитет, прекрасное совершение богослужения. Касается автор корреспонденции и деятельности зарубежных церковных деятелей: «Очень недовольны в России, – передает архиепископ Серафим, – политическими выступлениями Карловацкого Собора, считают, что теперь иерархи должны отмежеваться от всяких политических деяний, так как все это ставят в вину Патриарху»¹¹².

Далее автор сообщает о ссыльных на Соловках, положении дел в Петрограде, введении нового календарного стиля и пр. От себя архиепископ Серафим добавляет: «За верность и точность сведений ручаться не могу»¹¹³. «Из сообщений о русской Церкви видно, что в смысле управления там невообразимый хаос – на одной кафедре числится по два или три архиерея. При освобождении и очищении России получится такая масса архиереев, что их некуда будет девать – на каждую епархию придется по 6–7 епископов епархиальных и викарных вместе. Многим из нас придется просто снова заделаться приходскими настоятелями»¹¹⁴. Эта фраза хорошо характеризует психологию беженского духовенства, которое, как и большинство эмигрантов, верило в более или менее скорое освобождение России от большевиков и, естественно, беспокоилось за свою судьбу в освобожденной России.

Протоиерей Николай Артемов предполагает, что это письмо – плод личной встречи со священнослужителем или даже несколькими лицами, активными в церковной сфере¹¹⁵.

Итак, из вышеизложенного следует, что по крайней мере до осени 1925 г. Архиерейский Синод РПЦЗ в Сремских Карловцах прямо или опосредованно получал информацию, исходящую из круга деятелей, близких Даниловскому монастырю и его настоятелю архиепископу Феодору (Поздеевскому). Позиция лиц, сообщивших сведения, в целом отражает настроения церковных деятелей, также близких к так называемому «Даниловскому синоду», который играл роль оппозиции справа; «его сторонники, – по словам М. Е. Губонина, – были во много раз более ярыми “тихоновцами”, чем сам Патриарх Тихон...»¹¹⁶.

В архиве Архиерейского Синода содержатся выдержки из писем архиепископа Феодора (Поздеевского), архимандрита Симеона (Холмогорова), сообщающие о положении архиереев, живущих в Даниловом монастыре и находящихся в других местах, выборка писем от братии Московского подворья Валаамского монастыря за 1922 г. В письмах дается описание изъятия ценностей на подворье и деятельности живоцерковников. К ним примыкают выписки от корреспондентов из Москвы и Петербурга. К выпискам приложен очерк под названием «Раскол Церкви» – обращение епископа Антонина (Грановского) и других обновленцев по поводу голода и созыва Поместного Собора «для суда над виновником церковной разрухи» (имеется в виду Патриарх Тихон и верное ему духовенство).

Часто письма из России в Сремские Карловцы пересылал архиепископ Анастасий (Грибановский). В рассматриваемый период (1924–1935) он возглавлял Русскую Миссию в Палестине. В 1923 г. архиепископ Анастасий присутствовал на так называемом «Всеправославном Конгрессе», созванном Патриархом Мелетием в Константинополе, в качестве представителя Русской Церкви, где возвысил свой голос против неканонических нововведений. «Вследствие последовавшего затем неблагоприятного поворота в отношениях Вселенского Патриаршего Престола к Русской Церкви и Патриарху Тихону, имя которого Константинопольский Патриарх... запретил возносить в русских приходах в Константинополе, и запрещения сноситься с Русским Архиерейским Синодом за границей, архиепископ Анастасий после Пасхи 1924 г. вынужден был покинуть Царьград и выехать через Францию в Болгарию,

¹¹² Русская Церковь. XX век. Кн. 1. С. 548.

¹¹³ Там же. С. 549.

¹¹⁴ Там же. С. 549–550.

¹¹⁵ См.: Русская Церковь. XX век. С. 568.

¹¹⁶ Архив ПСТГУ. Современники о Святейшем Патриархе Тихоне. Рукопись.

где принимал участие в освящении Александро-Невского Собора в Софии, а потом переехал в Югославию для участия в очередном Архиерейском Соборе. По поручению последнего он отправился в Иерусалим в качестве наблюдающего над делами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Посетив предварительно Лондон, для переговоров с представителями английского правительства, имевшего мандат на управление Палестиной, он прибыл в Св. Землю в декабре 1924 г. и оставался здесь в течение 10 лет, выезжая ежегодно в Сремские Карловцы на Архиерейский Собор, а также иногда в Сирию для посещения Патриарха Григория VII [вероятно, IV. – О. К.] и его преемника Патриарха Александра¹¹⁷.

Среди документов, относящихся к периоду начала и середины 1920-х гг., присутствует уже упоминавшийся список архиереев, составленный Н. В. Нумеровым. Возможно, что он был и автором кратких сводок о положении церковных дел в архиве Архиерейского Синода РПЦЗ.

Списки архиереев, посланные вместе с письмом Самарина, были опубликованы в газете «Церковные ведомости»¹¹⁸.

Выступления газеты «Церковные ведомости» и, в первую очередь, председателя заграничного Архиерейского Синода митрополита Антония (Храповицкого) по поводу положения Церкви в Советской России не прошли незамеченными для советских властей. По их указанию члены Священного Синода архиепископы Серафим (Александров) и Тихон (Оболенский) 1 октября 1923 г. направили на имя Патриарха Тихона письмо, в котором напомнили Святейшему о том, что неоднократно уже оповещали его относительно выступлений в печати митрополита Антония. Они писали: «Владыка Антоний часто говорит как бы от имени и всего Русского народа и от имени всей пр[авославной] Рус[ской] церкви, тогда как ни Русский народ, ни вся пр[авославная] Церковь не уполномочивала его говорить и писать от имени их. В одной из своих статей, помещенной в № 13–14 от 1–15 VII 1923 г., м[итрополит] Антоний пишет, что вся “гражданская власть в России состоит из 85 % христоненавистников иудеев и лучше сказать безбожников”¹¹⁹, часто в статьях говорится “о нечестивых большевиках”, кои именуются “палачами русского народа”¹²⁰. В одной из статей м[итрополит], говоря о Вашем святейшестве, пишет, что Вы “только внешним образом примирились с Советской властью”¹²¹, т. е. неискренне...»¹²²

¹¹⁷ Аверкий (Таушев), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Митрополита Анастасия // Анастасий (Грибановский), митр. Беседы с собственным сердцем. (Размышления и заметки). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 12–13.

¹¹⁸ Один список назывался «Синодик русских православных епископов, убиенных, умученных и умерших с 1917 г.». В нем 71 имя. Печатался он в № 23–24, 1926. Другой – «Алфавитный список канонических епископов Российской Православной Церкви, находящихся на территории СССР» (№ 3–4, 1926 г.; 5–6, 1926 г.; 11–12, 1926 г.; 17–18, 1926 г.; 19–20, 1926 г.; 21–22, 1927 г.). В списке 260 имен. В № 21–22 кроме того опубликован «Список канонических епископов, перешедших в обновленческую церковь и запрещенных в священнослужении митрополитом Сергием», в котором 10 имен. Здесь же имеется список архиереев, канонически запрещенных в священнослужении до появления обновленческого раскола (17 имен).

¹¹⁹ См. статью митрополита Антония (Храповицкого) «Не надо смущаться» (Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 9). Здесь и далее использованы примечания публикаторов послания.

¹²⁰ «Временный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, осведомленный о желании большевиков осудить Св[ятейшего] Тихона Патриарха Всероссийского, судом революционным и о продолжающихся небывалых гонениях и преследованиях священно-церковно-служителей Церкви Христовой и последователей ея, выражает свое глубокое возмущение безбожными поступками и жестоким террором против Церкви Христовой палачей русского православного народа» (Протоколы Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. 1923. № 7–8. С. 1). Цит. по: Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом / Публ. А. А. Кострюкова, Н. В. Тягуновой; Вступ. ст. и примеч. А. А. Кострюкова // Вестник ПСТГУ. II. 2008. Вып. № 3 (28). С. 123.

¹²¹ «Св[ятейший] Патриарх, примирившийся внешним образом с советской властью, сделал это вовсе не для сохранения собственной жизни и собственного благополучия» (Антоний (Храповицкий), митр. Не надо смущаться // Церковные ведомости. 1923. № 13–14. С. 9).

¹²² Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом. С. 122–124.

Архиепископы Серафим (Александров) и Тихон (Оболенский) выражали опасения, что материалы «Церковных ведомостей» могут дать властям повод смотреть косо на православных епископов в России и поэтому предлагали «осудить подобные выступления председателя этого Синода...».

Они писали: «Власть может указать снова на Ваши сношения с заграничными Епископами, ибо помещено письмо Ваше; на одно из таких посланий ссылается между прочим в послании и м[итрополит] Антоний, как к председателю Архиерейского Синода, и Хрисостом, митрополит Афинский. Надо заявить, что такого послания, как и вообще писем за границу, Вы, по освобождении, не писали...»¹²³

Авторы послания, как предполагает А. А. Кострюков, имели в виду опубликованную в «Церковных ведомостях» грамоту Патриарха Тихона всем Архипастырям, Пастырям и всему российскому народу от 6 декабря 1922 г. [ст. ст.], в которой анафематствуется обновленческое ВЦУ¹²⁴. Этот документ, хотя и попал на страницы «Церковных ведомостей», не был предназначен для передачи за границу. М. Е. Губонин вообще считал грамоту подложной¹²⁵, хотя это утверждение можно подвергнуть сомнению. Судя по остальным корреспонденциям, редакция использовала относительно надежные каналы связи. Однако для категорического вывода о подлинности послания у нас нет достаточных доказательств.

Архиепископ Афинский Хрисостом, упомянутый архиепископами Серафимом и Тихоном, писал: «С большим вниманием мы прочитали письмо Вашего Высокопреосвященства, которое препроводило грамоту Святейшего Патриарха Тихона, касающуюся анафемы против русских клириков, предавших православную веру созданием так называемой “Живой церкви” и созывом Московского лже-собора»¹²⁶.

Как основательно считает ряд исследователей, послание архиепископов – членов Синода было отражением давления ОГПУ на Патриарха и имело следствием появление указа Патриарха Тихона и Священного Синода № 106 от 10 ноября 1923 г.¹²⁷ о том, что «Карловацкий Синод не имеет права высказываться от имени Русской Церкви и выступать с заявлениями, направленными на дискредитацию большевистской власти»¹²⁸, а также о подложности писем, опубликованных от имени Патриарха Тихона после его освобождения.

Иногда важнейшие документы доходили до зарубежных иерархов кружными путями. Так, указ № 362 от 7 (20) ноября 1920 г., который послужил впоследствии для обоснования создания Архиерейского Синода РПЦЗ вместо упраздненного Патриархом Тихоном Временного Высшего Церковного управления, был переслан в Архиерейский Синод с Дальнего Востока¹²⁹. Об этом свидетельствует переписка, сохранившаяся в архиве Архиерейского Синода. В протоколе Временного Высшего Церковного Управления за границей от 4 (17) 1922 г. говорилось:

«Слушали: препровожденную Начальником Российск[ой] Дух[овной] миссии Архиепископом Иннокентием¹³⁰ копию постановления Свят[ейшего] Патриарха, Священного Синода и Высшего Церк[овного] Совета Правосл[авной] Российской Церкви от ноября

¹²³ Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом. С. 124.

¹²⁴ См.: Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 1.

¹²⁵ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 123.

¹²⁶ Церковные ведомости. 1923. № 15–16. С. 4. Цит. по: Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом. С. 123.

¹²⁷ См.: Новые документы по истории взаимоотношений между Патриархом Тихоном и Карловацким Синодом. С. 123.

¹²⁸ Там же. С. 124.

¹²⁹ См.: Баконина С. Н. Вопрос о Временном Высшем Церковном Управлении на Дальнем Востоке // XV ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2005. С. 289.

¹³⁰ Имеется в виду архиепископ, будущий митрополит, Иннокентий (Фигуровский), начальник Пекинской духовной миссии.

1920 г. за № 362, следующего содержания: «По благословению...¹³¹ <...> Копия подписана Дионисием, Епископом Челябинским и Троицким»¹³². Постановление № 362 было решено послать всем преосвященным российских заграничных епархий, начальнику Российской духовной Миссии в Японии и др.».

Копия постановления была получена архиепископом Харбинским Мелетием (Заборовским), об этом свидетельствует запрос из Архиерейского Синода архиепископу Мелетию, где указывалось, что «постановление это стало известно от пок[ойного] Митрополита Иннокентия, приславшего копию с копии, полученной архиепископом Иннокентием от Преосвященного Дионисия»¹³³.

Сремские Карловцы с тревогой и болью следили за разворачиванием событий в Русской Церкви; пользуясь корреспонденциями, разными путями пересылаемыми из России, пытались обобщать и анализировать полученные сведения на страницах своих изданий, главным образом «Церковных ведомостей». Многие из вышеприведенных фактов заставляют предположить, что основными корреспондентами были московские церковные деятели, в основном миряне, близкие архиепископу Феодору (Поздеевскому) и, более широко, так называемому «Даниловскому синоду». К числу этих подвижников принадлежит крупный церковный деятель А. Д. Самарин. Относительно других имен можно строить предположения. Факты говорят в пользу того, что эта деятельность была не личной инициативой отдельных лиц, а, судя по ее непрерывности и серьезности, продуманной работой, которой, как будет показано далее, ее организаторы и исполнители придавали большое значение.

¹³¹ Отточие в тексте документа.

¹³² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 262. Л. 17–17 об.

¹³³ Там же. Л. 21. Эти документы подтверждают версию, выдвинутую С. Н. Бакониной (см.: *Баконина С. Н.* Вопрос о Временном Высшем Церковном Управлении на Дальнем Востоке. С. 289). По ее мнению, указ первоначально предназначался для дальневосточных епархий. Она также указывает, что, по сообщениям газет, в Харбин постановление № 362 привезли «забайкальцы, участники епархиального съезда в Чите, и передали епископу Мелетию».

Переписка Святейшего Патриарха Тихона с русским зарубежным духовенством

Русская эмиграция на протяжении десятилетий была для Советов средоточием и источником опасности, хранителем и рассадником монархических и буржуазных идей, антисоветских программ и конкретных планов свержения «большевицкой» власти. Поэтому органы ОГПУ особенно интересовались контактами Патриарха Тихона с эмигрировавшим духовенством.

На допросах в 1922 г. Патриарха Тихона спрашивали, получал ли он письма из-за границы от беглого православного духовенства, когда и кем пересылались эти письма, давал ли Патриарх ответы на них и через кого¹³⁴. Патриарх отвечал, что он был в переписке с митрополитом Антонием (Храповицким), митрополитом Евлогием (Георгиевским), архиепископом Анастасием (Грибановским) и другими, причем, как говорил Патриарх, до него доходили не все письма. Корреспонденцию он получал через иностранные миссии: Латвийскую, Эстонскую, Финляндскую, Польскую, иногда Чехословацкую. Письма обычно приносили чиновники или курьеры миссий. В пересылке активное участие принимали архиепископ Финляндский Серафим (Лукиянов) и епископ Рижский Иоанн (Поммер).

Как говорилось в обвинительном заключении по делу Патриарха Тихона, следствием было установлено, что в пакеты, содержащие в себе официальную переписку с зарубежными церквями по деловым вопросам церковного управления, «вкладывались собственноручные письма б[ывшего] патриарха»¹³⁵.

ОГПУ стало известно содержание многих писем к Патриарху, хранящихся в его личном архиве. Следователям они дали «богатый» материал для фабрикации обвинительного заключения. Начало переписки относится к 1918 г., когда линия фронта отделила Украину от Центральной России, последние письма датируются 1922 г.

В 1918 г. Патриарх, озабоченный ситуацией на Украине, послал А. Д. Самарина с письмом к митрополиту Антонию. А. Д. Самарин был арестован на станции Брянск. По поводу его ареста и изъятости письма Патриарх Тихон вынужден был направить письмо в СНК, где писал, что поручил Самарину передать митрополиту Антонию его и Всероссийского Собора «взгляды по тогдашнему злободневному вопросу об автокефалии Украинской Церкви». Патриарх подчеркивал, что «поручение, данное Самарину, ничего политического, тем более контрреволюционного в себе не заключает», и просит Совет народных комиссаров снять этот пункт из обвинения, предъявленного А. Д. Самарину¹³⁶.

Связь с зарубежными церковными деятелями делала вину Патриарха перед советской властью в глазах органов ОГПУ еще более тяжелой. В «Обвинительном заключении по делу гр. Беллавина и др.» говорилось, что «между Тихоном-Беллавиным и вождями зарубежной контрреволюции установилась с первых дней Октябрьской революции тесная и непрерывная связь, не прекращающаяся, в сущности говоря, ни в один из периодов борьбы белых против Красной Республики»¹³⁷.

¹³⁴ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 159–160.

¹³⁵ Там же. С. 278.

¹³⁶ Следственное дело Патриарха Тихона. С. 79–80. См. также письмо Патриарха Тихона в Совет народных комиссаров в защиту Самарина: «Просим освободить из тюремного заключения...» (Письма в защиту репрессированных / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 27–28).

¹³⁷ Акты Святейшего Тихона... С. 234.

В следственное дело Патриарха Тихона попало несколько его подлинных писем к митрополиту Антонию (Храповицкому) 1918 г., по-видимому перехваченных властями¹³⁸, и копии писем митрополита Антония 1921 г., скорее всего перлюстрированных в ОГПУ¹³⁹.

С 1921 г. Патриарх переписывался и с митрополитом Евлогием (Георгиевским). В фонде митрополита Евлогия (Р-5919) в ГА РФ хранятся пять подлинных писем Патриарха Тихона¹⁴⁰. Часть писем митрополита Евлогия в машинописных копиях оказалась в следственном деле Патриарха Тихона¹⁴¹. Они охватывают период с 1921 по 1922 г.

Большую роль в передаче документов Патриарху Тихону и от него зарубежному духовенству сыграл архимандрит Жировицкого монастыря Тихон (Шарапов), впоследствии епископ. Архимандрит Тихон был неутомимым и бесстрашным защитником православия в польских землях. В 1918 г. о. Тихона, тогда еще иеромонаха, назначают в г. Здолбуново, где он организует православное братство и начинает издавать журнал «Православие». Журнал вскоре был закрыт петлюровцами, а о. Тихон арестован вместе с архимандритом Виталием (Максименко) и вывезен в униатский монастырь в местечке Бучач. Здесь они присоединились к находившимся в заключении митрополиту Антонию (Храповицкому), архиепископу Евлогию (Георгиевскому) и епископу Никодиму (Кроткову). После освобождения о. Тихон остался на территории Польши в Здолбунове, где основал Здолбуновское Богородичное братство с целью защиты православия от притеснений со стороны поляков и оказания помощи раненым солдатам и беженцам из России.

В январе 1922 г. иеромонах Тихон приехал в Москву по поручению совета православных епископов для доклада в качестве дипломатического курьера одной из стран по согласованию с Наркоматом иностранных дел с целью ознакомить Св. Патриарха Тихона с положением Православной Церкви в Польше. Вернулся о. Тихон из этой поездки уже архимандритом.

Архимандрит Тихон оставил записки, где описал подробно свое посещение Патриарха и передачу ему портфеля с церковными документами из «заграницы». Эти записки под заголовком «Дипкурьер» воспроизводит М. Е. Губонин, познакомившийся и подружившийся с епископом в среднеазиатской ссылке.

«В январе 1922 года я приезжал инкогнито из заграницы в Москву, к Святейшему Патриарху по церковным делам, в качестве дипломатического курьера одной дружественной страны [Литвы]. Понятно, что приезд мой был согласован с Народным Комиссариатом Иностранных Дел, в частности с Наркомом тов. Чичериным, у которого я бывал на официальных приемах. Таким образом, в Наркоминделе знали, что в качестве дипкурьера едет “поп” Тихон Шарапов для доклада Патриарху о положении русских церковных дел в Польше и Западной Европе. Я был острижен и одет в гражданское платье. Ехали, как и полагается подобной публике, не в “столыпинском” вагоне, а в неизмеримо более роскошной обстановке. По приезде в Москву у вокзала меня ожидала комфортабельная машина под флагом той страны, откуда я прибыл. Автомобиль довез меня до посольства, где я остановился».

Иеромонах Тихон решил встретиться с Патриархом за несколько дней до назначенной аудиенции, чтобы при встрече Патриарх был уже ознакомлен с положением дел, отраженным в бумагах. О. Тихон решил подойти к Святейшему во время службы в храме Христа Спасителя, где Святейший Патриарх должен был возглавлять чин отпевания скончавшегося митрополита Евсевия (Никольского).

¹³⁸ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 660–663.

¹³⁹ См.: Там же. С. 680–683, 691–692, 694.

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5919. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–12 об. См.: Переписка Святителя Тихона Патриарха Всероссийского и митрополита Евлогия (Георгиевского). 1921–1922 / Публ., коммент., предисл. Н. Ю. Лазарева // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова, 2000. Вып. 6. С. 93–111.

¹⁴¹ См.: Следственное дело Патриарха Тихона. С. 683–685, 686–688, 693–694, 696–697, 706–708.

С огромными трудностями проникнув в алтарь после разоблачения Патриарха, воспользовавшись замешательством, иеромонах Тихон подошел к Патриарху. Он не без юмора описывает эту сцену:

«Вот тут-то, когда раздалось это извечное и классическое: “Рясу!.. Рясу Святейшему!!.. Давайте же рясу-то!!” – и все забегало и заходило ходуном, я вышел из своей засады и молниеносно проскочил между растерянно метавшимися иподиаконами и батюшками, в горах облачений и всевозможной одежды разыскивавших пресловутую рясу, и – очутился у св. престола, где в неожиданно образовавшемся пустынном пространстве стояла одинокая фигура Святейшего Патриарха, что-то благодушно бормотавшего себе под нос.

При моем быстром приближении он обернулся, взглянул как-то мельком на меня и, отвернувшись опять к престолу, произнес, “ничтоже сумняся” – как будто мы с ним вчера только виделись:

– А!.. Приехал?.. Когда же ко мне-то?..

Я скороговоркой сказал, что через несколько дней.

Он кивнул слегка головой.

– У меня, Ваше Святейшество, – проговорил я, – портфель тут с собою для вас. Как мне передать его вам?.. Где?..

Он мотнул головой в сторону и пробурчал лаконично:

– Отдай вон – Крониду!..

Я немедленно передал портфель последнему наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры – маститому старцу, архимандриту Крониду, стоявшему невдалеке и спокойно наблюдавшему всю эту сцену. Я его как-то не заметил раньше. Он с виртуозной ловкостью сунул портфель за пазуху, делая вид, что внимательно застегивает свою рясу...

В это же самое мгновение налетели иподиаконы с рясой Святейшего, и на меня как-то сразу несколько человек обратили свое неприязненное внимание, и я опять услышал: “Гражданин, что вам здесь нужно?..”, “Гражданин, здесь не полагается!..” и прочие, тому подобные, “безумные глаголы”. Я стал извиняться, отговариваясь незнанием алтарного этикета, и поспешил удалиться, внутренне радуясь, что все обошлось так прекрасно»¹⁴².

Если бы все не было проделано так виртуозно и успешно, путь о. Тихона по тюрьмам и ссылкам, скорее всего, начался бы на три года раньше.

«Выехал я из России 3 февраля 1922 года, – писал он, – и вывез с собой за границу следующие патриаршие акты:

1. указ о возведении архиепископа Евлогия [Георгиевского], управляющего западно-европейскими русскими приходами, – в сан митрополита;
2. ответную Грамоту Сербскому Патриарху Димитрию [Павловичу];
3. грамоту Антиохийскому Патриарху Григорию [Аль-Хаддаду] о сирийских делах в Америке;
4. указы и дела по вопросам церковной жизни в Польше и
5. словесный реприманд митрополиту Антонию [Храповицкому] за карловацкие резолюции...»¹⁴³

Митрополит Евлогий в своих записках указывает на получение указа через неких коммерсантов:

«В конце февраля (или в марте) среди берлинской эмиграции распространился слух о прибытии кого-то из Москвы с известием, что Патриарх возвел меня в сан митрополита. Я не поверил. Но вот как-то раз на одном литературном собрании прихожан подходит ко мне протодиакон и говорит: “А ведь – верно! Приехали из Москвы какие-то коммерсанты,

¹⁴² Журнал Московской Патриархии. 1998. № 4. С. 84

¹⁴³ Там же. 1998. № 4. С. 85.

и в кармане у них патриарший указ на Ваше имя...” – “Вы путаете, что-нибудь не так...” – ответил я. “Нет, – верно! Завтра они приедут к вам”. На другой день, действительно, указ был мне вручен»¹⁴⁴.

Возможно, память подвела Владыку, и с коммерсантами была связана какая-то другая оказия.

Во время поездки иеромонаха Тихона 8 февраля 1922 г. Здолбуновскому братству указом Патриарха Тихона присвоены права патриаршей ставропигии, его председателю – сан архимандрита¹⁴⁵. Святейший Патриарх Тихон назначил о. Тихона уполномоченным по делам Православной Церкви в Польше, одновременно был назначен благочинным монастырей Гродненской епархии и благочинным Бытинского округа.

Деятельность архимандрита Тихона как защитника православия вызвала возмущение со стороны польских властей и послушного им православного священноначалия в Польше. Он был сначала запрещен в священнослужении, а 30 июня 1924 г. лишен должности. 15 октября 1924 г. арестован польскими властями и 17 октября выслан из Польши в Германию. 25 октября он был исключен из числа братии монастыря. Три месяца проживал о. Тихон в Берлине при бывшей посольской церкви на Находштрассе, 10, после чего написал Патриарху Тихону о своем желании вернуться в СССР.

После переговоров Святейшего Патриарха Тихона с Наркомотделом разрешение на возвращение архимандрита Тихона в СССР на постоянное жительство было получено. 17 января 1925 г. архимандрит Тихон прибыл в Москву в разгар гонений, хорошо понимая, что его ждут страдания. По прибытии он сделал ряд докладов Святейшему Патриарху Тихону о состоянии Православной Церкви в Польше, в результате которых Патриарх издал ряд указов, отрицающих законность и каноничность Варшавской автокефалии и осуждающих ее сторонников.

22 марта 1925 г. состоялось рукоположение архимандрита Тихона во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. Хиротонию совершали Святейший Патриарх Тихон, митрополит Петр (Полянский), архиепископ Николай (Добронравов), архиепископ Пахомий (Кедров). При хиротонии Святейший Патриарх Тихон, вручая архиерейский жезл епископу Тихону (Шарапову), произнес такие слова:

«Предстоящий тебе путь Святительского служения в исключительно трудных условиях есть путь Крестный и Мученический. И, может быть, твое сердце трепещет и смущается! Мужайся! Благодать Святого Духа и сила крестная укрепят тебя. Взирай на твердость мучеников Христовых и их примером воодушевляйся на предстоящий тебе подвиг»¹⁴⁶.

Слова Святейшего Патриарха относительно предстоящего крестного пути полностью сбылись. Проведя многие годы в ссылках и заключении, епископ Тихон был расстрелян в 1937 г.

30 марта 1925 г. по указу Святейшего Патриарха Тихона епископу Тихону поручалось принять на себя духовное попечение о членах Русской Церкви в Польше, сохранивших верность Московскому Патриаршему Престолу, которое он должен был совмещать с управлением Гомельским викариатством. В начале апреля он выехал во вверенную ему епархию и 3 апреля 1925 г. был в Гомеле.

Первым помощником епископа Тихона в контактах с зарубежьем стал журналист Димитрий Александрович Ишевский. Он родился 9 февраля 1894 г. в посаде Мелекес Самарской губернии Ставропольского уезда. Учился в Симбирской гимназии, затем в част-

¹⁴⁴ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 367.

¹⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 7. Л. 35 об.

¹⁴⁶ Акты Святейшего Тихона... С. 357.

ной гимназии в Москве. Еще будучи гимназистом, с 1912 г., стал посылать фотохронику московской жизни в петербургские иллюстрированные журналы, а в 1914 г. предпринял издание собственного журнала «Неделя». Война прекратила эту деятельность: Ишевский организовал фото-историческое бюро при Главном комитете Всероссийского земского союза, ездил на кавказский и персидский фронты.

Февральская революция и октябрьский переворот застали его в Москве. В начале июня 1918 г. Ишевский был командирован газетой «Русское слово» в качестве специального корреспондента в Заволжье, занятое чехословаками. Вернувшись в Москву, он вскоре отправился на юг России, где в ночь на 25 сентября 1918 г. был арестован ВЧК. Его обвинили в причастности к так называемому делу Локкарта¹⁴⁷, которое слушалось в Кремле в ноябре и декабре 1918 г. Ишевского приговорили к тюремному заключению сроком на пять лет с применением принудительных работ. 19 июля 1919 г. он бежал из Таганской тюрьмы и пешком по шпалам Александровской железной дороги перебрался в Польшу. В августе 1919 г. Димитрий уже публикует свои материалы о «судебно-тюремных мытарствах» и читает доклад о Советской России. 4 ноября 1919 г. с паспортом Российской дипломатической миссии при польском правительстве за подписью ее начальника генерала Кутепова выехал через Германию в Прибалтику со специальным поручением Французской военной миссии и Британского военного контроля в Варшаве. Поселился в Берлине и жил там до января 1927 г., затем переехал в Лейпциг. Постоянно помещал свои корреспонденции по церковным, политическим, общественным, национальным, культурным вопросам в эмигрантские газеты¹⁴⁸.

В начале марта 1925 г. за поддержку Русской Церкви (вероятно, не без содействия епископа Тихона) Димитрий Ишевский был удостоен грамоты от Святейшего Патриарха Тихона. Текст указа гласил:

«Божией милостью Патриарх Московский и всея России Тихон.

Во Святом Дусе сыну Нашему и Божию рабу Дм. Ал. Ишевскому за его усердие и ревность по защите словом печатным Св. Матери Церкви Православной и неизменную преданность Московскому Патриаршему Престолу, преподаем Наше Первосвятительское благословение.

Дано в Богоспасаемом граде Москве, в лето от рождества Бога Слова по плоти 1925-е месяца февраля 16 (марта в 1 день)»¹⁴⁹.

В письмах Д. А. Ишевского к епископу Тихону (Шарапову) есть свидетельства, что последнему удавалось переправить Ишевскому материалы для напечатания или передачи церковным деятелям¹⁵⁰. Таким образом были опубликованы заметки о хиротонии архимандрита Тихона во епископа и другие материалы, в частности послание Патриарха Тихона о пределах канонической юрисдикции Варшавского митрополита от 24 марта (6 апреля) 1925 г., написанное за день до кончины Святейшего Патриарха (или подписанное этим днем)¹⁵¹.

М. Е. Губонин, хорошо знавший епископа Тихона и имевший возможность изучить архив Преосвященного, нашел в его бумагах вырезку из эмигрантской газеты с этим актом, присланную Д. А. Ишевским епископу Тихону, и включил ее в качестве иллюстрации в сборник «Акты Святейшего Тихона...»¹⁵². М. Е. Губонин писал, что послание произвело «доста-

¹⁴⁷ Согласно официальной чекистской версии, заговор был организован в 1918 г. дипломатическими представителями Великобритании, Франции и США в Советской России с целью свержения большевистской власти. В заговоре участвовали глава британской миссии Роберт Локкарт при участии послов Франции и США Ж. Нуланса и Фрэнсиса.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 1. Автобиографическая справка.

¹⁴⁹ Акты Святейшего Тихона... С. 355.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

¹⁵¹ Акты Святейшего Тихона... С. 359–360.

¹⁵² См.: Там же. С. 360.

точно яркий и впечатляющий эффект, укрепив до некоторой степени позиции патриархов в Польше...»¹⁵³.

М. Е. Губонину при разборке архива епископа Тихона удалось выяснить, что инициатором и автором этого послания был сам Преосвященный Тихон. Найденный в бумагах епископа листок из не выясненного М. Е. Губониным печатного издания, имел надпись рукой Преосвященного Тихона: «Сей Акт написан мною, мною же представлен к подписи Патриарха и, по подписании, послан в Польшу на имя сенатора Богдановича В. В.»¹⁵⁴.

История пересылки и распространения этого акта раскрывается в переписке Д. А. Ишевского и епископа Тихона (Шарапова).

В письме из Берлина от 7 апреля 1925 г. Ишевский сообщает, что акт Святейшего от 24 марта уже помещен во всех газетах, при этом были приложены вырезки из «Русской газеты» и «Руля» (одна из них и попала на страницы «Акт Святейшего Тихона»). Послание было передано также в «Вечернее время» (Париж), «Новое время» (Париж).

Ишевский запрашивал благословения брать у митрополита Евлогия письма для пересылки в Россию.

В день написания письма Русская Церковь была потрясена кончиной ее Предстоятеля – Святейшего Патриарха Тихона. В это время епископ Тихон уже находился в своей епархии. По приезде он стал активно бороться с обновленческим расколом. В Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящая за тихоновщину и стоит еп[ископу] Тихону появиться – через часа 2–3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, а в противном случае отлучают от церкви.

В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...»¹⁵⁵

Вскоре последовал арест. Узнав об этом, Д. А. Ишевский 20 апреля 1925 г. пишет: «Теперь, к ужасу моему, вижу, что наши предчувствия, увы, сбылись. Путь Креста и страданий начался и для Вас!.. И как раз в тот трагический момент, когда особенно нужно присутствие таких, как Вы, там иерархов. Неужели действительно непросветная тьма опустилась на нашу несчастную Родину и с угасшим последним Первосвятительским Маяком все и надолго погребло?»¹⁵⁶ Дмитрий Александрович просит присылать ему полную и подробную информацию о Церкви.

Через три дня он снова пишет епископу Тихону: «Снова тягостное молчание, и нет писем от Вас... И как раз именно теперь важно иметь своевременно известия из России»¹⁵⁷. Ишевский сообщает о получении за границей «Предсмертного завещания» Святейшего Патриарха¹⁵⁸. Журналист считает, что уже никто не сомневается в подложности документа. Он пишет, что давно просил, предвидя арест Владыки, наладить сношения с ним (Ишевским) «многих авторитетных и верных почившему Первосвятителю особ». «Вся Европа, – пишет он, – жаждет узнать правду о том, что там у Вас творится, кто является Местоблюстителем почившего Патриарха, и по возможности должна сюда проскочить официальная бумага,

¹⁵³ Там же. С. 756.

¹⁵⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 360.

¹⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 7. Л. 56.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

¹⁵⁸ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 361–362.

дабы наши иерархи могли по сему поставить в известность Вселенских Патриархов и тем самым укрепить международное значение Его покойного Святейшества»¹⁵⁹.

Тем временем епископ Тихон, пройдя могилевскую и минскую тюрьмы, 21 мая 1925 г., обвиняемый по ст. 123 УК, был доставлен в Москву. В сентябре 1925 г. Владыка получил разрешение на проживание в Москве без права выезда. При одном из посещений митрополита Крутицкого Петра (Полянского) подписал составленный 12 апреля 1925 г. акт о передаче последнему высшей церковной власти. В ночь на 1 декабря 1925 г. был арестован по делу митрополита Петра.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.

Контакты с зарубежным духовенством Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра (Полянского)

Митрополит Петр управлял Русской Церковью в условиях относительной свободы недолгий период с 9 апреля по 9 декабря 1925 г. Вступление митрополита Петра Крутицкого в должность Патриаршего Местоблюстителя произошло после кончины Патриарха Тихона, согласно завещанию почившего. (Указанные в завещании первыми митрополиты Кирилл (Смирнов) и Агафангел (Преображенский) не имели возможности воспринять эту должность). О восприятии должности Местоблюстителя митрополитом Петром было извещено специальным посланием, оглашенным в присутствии сонма архиереев, которые признали необходимость данного деяния¹⁶⁰.

Этот акт стал известен за границей с большим опозданием. Также не сразу дошел до зарубежья текст завещания Патриарха Тихона, где митрополит Петр был назван третьим кандидатом на должность Патриаршего Местоблюстителя. Задержка извещения и сомнения в каноничности вступления в должность Местоблюстителя породили немало недоуменных высказываний в печати.

Кроме того, у многих архиереев были сомнения в том, что митрополит Петр обладает качествами, достаточными для возглавителя Церкви. Смущало его краткое пребывание в монашеском постриге (с 1920 г.), малоизвестность, недостаточная авторитетность. Митрополит Антоний писал епископу Рижскому Иоанну: «Он сам себя называет заместителем П[атриар]ха, но власти его таковым в совдепии не признают»¹⁶¹. Вместе с тем митрополит Антоний отдавал должное энергии и принципиальности Владыки Петра в коллизии с приемом Красницкого в Высшее церковное управление, когда митрополит Петр «грозил даже выйти из общения с Патриархом, если последний согласится принять Красницкого»¹⁶². Отношение к митрополиту Петру стало меняться после выхода его послания от 28 июля 1925 г., в котором он выступил против обновленцев, запрещая православным даже присутствовать на их собраниях для совместного обсуждения вопроса об объединении. «Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях», – писал он¹⁶³.

Послание попало в эмигрантскую печать и произвело большое положительное впечатление. 1 октября 1925 г. митрополит Антоний пишет Преосвященному Иоанну: «М[итрополит] Петр написал прекрасное послание, если верить газетам»¹⁶⁴.

В «Церковных ведомостях» (№ 21–22 от 14–15 ноября 1925 г.) был наконец опубликован «Акт о назначении Местоблюстителя Святейшего Патриаршего Престола Всероссийской Православной Церкви и известительное о сем послание» и в том же номере послание об отношении к обновленчеству.

По словам митрополита Антония, он готов был признать митрополита Петра местоблюстителем, но, как он написал в частном письме епископу Иоанну Рижскому от 1 октября

¹⁶⁰ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 413–417.

¹⁶¹ Из архива архиепископа Иоанна (Поммера). Письма митр. Антония (Храповицкого) / Публ. Ю. Сидякова // Интернет-ресурс <http://www.humanitatis.info/18%20almanax/sibjakov.htm>

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Акты Святейшего Тихона... С. 418.

¹⁶⁴ Из архива архиепископа Иоанна (Поммера). Письма митр. Антония (Храповицкого) / Публ. Ю. Сидякова // Интернет-ресурс <http://www.humanitatis.info/18%20almanax/sibjakov.htm>

1925 г. со свойственными ему резкими выражениями, «члены Синода дружно запротестовали и потребовали отложить суждение до собора нашего (дек[абрь] или ноябрь) или по кр[айней] мере до собора живоцерковников, когда будет ясно, насколько сей полномочный Владыка не уподобится Чичикову, который сначала всемерно отвергал взятки, а дождавшись “удобного времени”, хапнул так, что на полжизни ему хватило»¹⁶⁵.

Эта грубоватая сентенция была выражена официальным языком следующим образом в статье «К признанию Патриаршего Местоблюстителя»:

«Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей, по двукратном суждении в сентябрьской и октябрьской сессиях, признал Высокопреосвященнейшего Петра, Митрополита Крутицкого, Местоблюстителем Святейшего Всероссийского Патриаршего Престола. Такое промедление в сем вопросе объясняется особой важностью сего акта, требующего санкции Архиерейского Собора, и необходимой осторожностью.

Признание Местоблюстителя является актом всей Церкви, и исходить он должен не от отдельных архиереев, а от всего Собора их, как наивысшей церковной власти. До Собора же отдельные архиереи могли лишь выражать свое мнение. Руководясь этим принципом, Архиерейский Синод в первом суждении решил вопрос этот передать на разрешение Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей, созыв которого тогда был предположен в ноябре – декабре м[есяц]ах сего года. К тому же архиерейский Синод не имел никаких верных данных о вступлении Митрополита Петра в местоблюстительство Свят[ейшего] Патриаршего Престола. Да и самый порядок назначения местоблюстителя, не соответствующий священным канонам и установленным в Русской Церкви правилам, вызывал большое сомнение»¹⁶⁶.

В это время, разобщенный с собратьями, не имея от них поддержки и даже, более того, не признаваемый ими как достойный кандидат на должность Местоблюстителя, митрополит Петр мужественно сопротивлялся требованиям властей осудить зарубежных архипастырей.

Несмотря на крайнюю затрудненность контактов с зарубежьем, митрополит Петр имел связь с некоторыми деятелями Церкви в эмиграции, в частности с Управляющим западноевропейскими русскими приходами митрополитом Евлогием (Георгиевским). И здесь, как и ранее, посильную помощь оказал епископ Тихон (Шарапов). Губонин писал: «Патриарший Местоблюститель любил и чтит нашего Владыку, разумеется, чуя в нем близкую себе душу; внешне, быть может, связывала их до некоторой степени и прошлая деятельность обоих в Жировицах»¹⁶⁷.

В следственном деле митрополита Петра хранится копия письма, переправленного, по видимому, с помощью епископа Тихона. Оно принадлежит Управляющему западноевропейскими русскими приходами митрополиту Евлогию (Георгиевскому), с которым святителя Петра связывали давние отношения. Митрополит Евлогий был его сокурсником по Московской духовной академии.

Судя по этому письму, между митрополитами после вступления святителя Петра в должность Местоблюстителя 12 апреля 1925 г. была установлена связь. Митрополит Евлогий пишет: «Я снова имею надежный случай, чтобы поблагодарить Вас за полученные указания и сообщить Вам некоторые свои соображения»¹⁶⁸. Далее митрополит сообщает, что Восточные Патриархи, в частности Антиохийский, высказывают пожелания, чтобы им был сообщен официальным путем или грамотой акт о вступлении в должность Местоблюстителя. Управляющий западноевропейскими приходами интересовался, будет ли митропо-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Церковные ведомости. 1925. № 21–22. 14–28 нояб.

¹⁶⁷ Архив ПСТГУ. Современники о Святейшем Патриархе Тихоне. Рукопись.

¹⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 286.

лит Петр писать Константинопольскому Патриарху о его незаконном вмешательстве в дела Русской Церкви. Этот вопрос вызван следующим фактом: Патриарх Василий III посылал приветственные грамоты обновленческому лжесобору в лице «митрополита» Вениамина (Муратовского) и «автокефальному» украинскому «митрополиту» Пимену (Пегову). Митрополит Евлогий касался в своем письме карловацких иерархов, в отношении с которыми у него к этому времени уже назревали серьезные осложнения¹⁶⁹.

Митрополит Евлогий так описывал данный момент церковной истории в своих воспоминаниях: «Замечалась еще одна упорная тенденция – считать Архиерейский Синод единственным правомочным органом Русской Церкви, простиравшим власть не только на меня, но и на всю Россию на том основании, что якобы там Церковь в упадке и пленении и постановления оттуда для эмиграции действительными быть не могут. Тут приходилось быть все время начеку. Когда Патриарх Тихон умер, я получил бумагу из Сербии от Архиерейского Синода, в которой епископы излагали свои суждения относительно признания (или непризнания) митрополита Петра местоблюстителем патриаршего престола. Я ответил: “Глава Русской Церкви не мы, а митрополит Петр. Он может нас признавать или не признавать, а не мы – его”. В Карловцах мой категорический ответ не понравился, но митрополита Петра все же Синод признал»¹⁷⁰.

Эта же коллизия описывается в письме митрополита Евлогия к митрополиту Петру: «Больше для курьеза, чем по существу, сообщу Вам о том, как они думали-гадали о Вашем признании или непризнании. Все хотелось самим возглавлять Русскую Церковь. Но потом благоразумие победило, и они потому Вас признали, как будто Вы, коему поручено возглавление всей русской церкви, нуждались в нашем признании масонской кучки заграничных, бескафедровых архиереев, а не мы, наоборот, нуждаемся в Вашем признании»¹⁷¹.

В деле митрополита Петра содержится письмо Димитрия Ишевского к епископу Тихону (Шарапову), касающееся ситуации, сложившейся среди эмигрантского духовенства в связи с назначением митрополита Петра на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. При этом выявляется роль самого Ишевского в распространении документов, связанных с данной коллизией. Деятельность журналиста в какой-то степени послужила хотя и запоздалому, но все же признанию в зарубежье митрополита Петра Местоблюстителем. Д. А. Ишевский пишет:

«Ваше Преосвященство,
Глубокопочитаемый Владыко!

Сегодня я имел счастье получить Ваш портрет. Тронут до глубины души Вашей милостью и вниманием. К сожалению, вот уже 5 месяцев не имею от Вас никаких вестей и даже до последнего времени не знаю о месте Вашего нахождения. **Последнее полученное здесь известие из Гомеля говорило о лишении Вас свободы...** хочу верить, что теперь Вы ею вполне располагаете. За это время здесь произошли большие события, едва не вовлекшие заграничную Церковь в раскол. Дело зашло так далеко, что, не появившись в газ[ете] «За свободу» от 2 сентября акт Местоб[люстителя] Пат[риаршего] Престола Митрополита Петра от 30/III 12/IV, который я не преминул продвинуть во все наши газеты, в Карловцах подумывали и даже (страшно сказать) готовились избрать преемника почившему Исповеднику здесь, в эмиграции. Конечно, единственным кандидатом карловцы считали митроп[олита] Антония. Владыко Евлогий стойко противился этому, и думаю, что не признал бы карловацкого раскола... Слава Богу, теперь митр[ополит] Антоний признал публично Высокопреосв[ящен-

¹⁶⁹ См.: Кострюков А. А. Митрополит Евлогий и патриарший указ об упразднении зарубежного ВЦУ от 5 мая 1922 года (№ 348/349) // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 58–66.

¹⁷⁰ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 557.

¹⁷¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 286

нейшего] Петра, мит[рополита] Крутицкого, за законного временного заместителя почившего Патриарха. Должен сознаться, что отчасти в этой нашей неопределенности повинна Москва. Сюда до сих пор не прислан этот акт Местобл[юстителя] Патр[иаршего] Престола и только недавно в Ревеле, а затем и повсюду опубликовано послание Митропол[ита] Петра от 29 июля с. г.¹⁷² Произвело оно громадное и благоприятное впечатление».

Корреспондент просил от лица всей зарубежной Церкви направлять на указанный им адрес копии всех актов, воззваний и распоряжений Местоблюстителя Патриаршего Престола. «Все присланное будет немедленно сообщено куда надлежит и станет весьма полезным для всех в изгнании сущих», – пишет Димитрий¹⁷³.

С подобной просьбой Д. А. Ишевский обращался и к епископу Иоанну (Поммеру), в архиве которого недавно обнаружено письмо журналиста от 1 сентября 1925 г., относящееся к взятой им на себя деятельности по информированию заграницы о событиях в Русской Церкви.

Он писал:

«На мою долю выпало большое счастье по мере своих скромных сил и возможностей информировать большинство зарубежных русских национальных газет о жизни Российской и заграничной Православной Церкви. Эта моя церковно-публицистическая деятельность удостоилась быть отмеченной особой высокомилоостивой благословенной Грамотой в Бозе ныне почившего Святейшего Патриарха Московского и всея России ТИХОНА, текст коей опубликован в № 9–10 (76–77) «Церковных Ведомостей» – официального органа Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. Но после кончины Святейшего Исповедника моя связь с его Патриаршим Синодом сделалась настолько затруднительной, что я вынужден теперь силою этого прискорбного обстоятельства прибегнуть к Вашему Высокопреосвященству с всепокорнейшей и усерднейшей просьбой: прийти мне на помощь и сделать зависящее от Вашего Высокопреосвященства распоряжение Вашему Синоду о снабжении меня всеми, по возможности, исходящими от Высокопреосвященнейшего Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра церковными распоряжениями, посланиями и воззваниями, какие только становятся известными Латвийскому Православному Синоду»¹⁷⁴.

Судьба Димитрия Ишевского сложилась так. 16 июня 1934 г. он возбудил ходатайство перед Правительством СССР о предоставлении ему, как «корреспонденту русских газет, издающихся в странах Европы, Америки и Дальнего Востока, возможности посетить на несколько недель Москву и другие крупные центры Советского Союза на предмет сбора строго объективной информации...»¹⁷⁵. Бывший обвиняемый по делу Локкарта указывал на свою верность Родине, заявляя:

«Как верный сын Российской Патриаршей Церкви и патриот своего великого Российского Отечества, вынужденный силою обстоятельств уже 15 лет пребывать за его пределами, я в продолжение всего этого времени всегда и неизменно отстаивал на страницах русской и иностранной печати целостность и территориальную неприкосновенность Советского Союза.

В настоящее время, когда угроза территориальной целостности Советского Союза начинает с достаточной ясностью обозначаться на Дальнем Востоке и ближнем Западе, я считаю своим прямым долгом использовать свои скромные силы и доверие ко мне их читателей»¹⁷⁶.

¹⁷² Послание датируется 28 июля 1925 г. См.: Акты Святейшего Тихона... С. 418–421.

¹⁷³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 296–296 об.

¹⁷⁴ Из архива Архиепископа Иоанна (Поммера). Письма от разных лиц / Публ. Ю. Сидякова // Интернет-ресурс http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2010/XXII/6.pdf

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7342. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

Неизвестно, удалось ли получить разрешение на въезд Д. Ишевскому. Думается, что его «советский патриотизм» был искренним. В 1930-х гг. он переписывался с митрополитом Сергием и даже в 1942 г. оказался в числе авторов книги «Правда о религии и Церкви в России»¹⁷⁷.

Во время следствия ОГПУ выявило роль епископа Тихона (Шарапова) в информировании зарубежья о событиях, происходивших в Русской Церкви, и наоборот. В обвинительном заключении по делу митрополита Петра (Полянского) и других говорилось: «Проявляя большой интерес к заграничным делам, Петр имел специального докладчика по заграничным делам, а именно епископа Гомельского Тихона, недавно прибывшего из-за границы и сохранившего связь с ней. Оттуда он, как видно из его собственных показаний, получал сведения о предстоящем монархическом эмигрантском съезде в Берлине и политике церкви по отношению к этому съезду, о событиях в православной церкви в Польше и Германии и т. д. <...> Петр признался, что действительно его информатором был Тихон...»¹⁷⁸

В следственном деле митрополита Петра, судя по его показаниям на допросе от 18 декабря 1925 г., упомянут факт передачи письма через неизвестного человека митрополиту Петру от митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо содержало информацию об «академии в Париже, о деятельности черносотенцев за границей, с его отзывом об Антонии и его подпадении под влияние монархистов». Письмо, по словам митрополита, он уничтожил. Передатчик предложил написать ответ «имеющимися у него бесцветными и при известных условиях проявляющимися чернилами». Митрополит утверждал, что он не решился написать ответное письмо, «а просто просил его передать Евлогию поклон и просьбу к эмигрантам не делать контрреволюционных выступлений, которые вредно и больно отразятся на церкви в СССР». Он говорил: «Кроме этого, я в ответ на сообщение м[итрополита] Евлогия о вмешательстве в его, Евлогия, церковные дела, ответил, опять-таки через передатчика, чтобы он, Евлогий, не обращал внимания на Антония и поступал в церковной жизни, как и прежде»¹⁷⁹.

Позже митрополит Петр сообщил следствию: «Что касается митрополита Евлогия, то из его же письма я увидел, что ему было патриархом поручено управление православными храмами Западной Европы; я лично о существовании какого-либо патриаршего акта об этом назначении не видал, и своими словами, которые просил передать Евлогию “живи, как живешь”, я предполагал только дать ему понять, чтобы он продолжал духовное попечение о верующих беженцах за границей – в Западной Европе»¹⁸⁰.

В материалах следствия назывался еще один человек, который помогал осуществлять контакты митрополита Петра с заграницей – В. К. Саблер. Он обвинялся в том, что «сообщал сведения о движении заграничных монархистов даниловцам, информировал о том же митрополита Петра. Давал директивы митр[ополиту] Петру по вопросам церковно-политического характера...»¹⁸¹.

В том же документе говорилось, что «даниловские епископы – архиепископ Пахомий (Кедров) и епископ Парфений (Брянских) – во время посещений В. К. Саблера получали от него информацию из-за границы о положении дел – о том, как было принято известие о смерти Патриарха Тихона, как была оценена сложившаяся обстановка в церкви, о смерти Патриарха Александрийского Фотия и т. д.»¹⁸². Сам же В. К. Саблер на допросе утверждал,

¹⁷⁷ См.: *Ишевский Д.* Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // *Правда о религии в России*. [М.], 1942. С. 61–70.

¹⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3666. Т. 5. Л. 252.

¹⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 117. См. также: *Мазырин А., иерей*. Патриарший Местоблюститель митрополит Петр и русское зарубежье // Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2009. С. 245–246.

¹⁸⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 118.

¹⁸¹ Там же. Д. Н-3666. Т. 5. Л. 256.

¹⁸² Там же. Л. 249.

что сведения черпал из английских и других газет, как они к нему попадали, он объяснить отказался. Мы не располагаем пока еще сведениями о непосредственных контактах В. К. Саблера с деятелями Русской Православной Церкви за границей.

Другой эпизод, связанный с контактами митрополита Петра с эмиграцией, касается его борьбы с обновленческим расколом. Известно, что митрополит Петр написал послание, обличающее деятелей обновленческого раскола, которое произвело сильное впечатление за рубежом и во многом способствовало укреплению авторитета митрополита Петра как защитника православия и твердого возглавителя Церкви. Несколько позже он смог ознакомиться с важнейшим документом, давшим ему большую моральную поддержку в борьбе с обновленцами.

Речь идет о грамоте Святейшего Патриарха Антиохийского Григория IV митрополиту Антонию от 22 сентября 1925 г., в которой возглавители «Живой церкви» предаются анафеме.

Приведем эту грамоту полностью, так как она мало известна исследователям:

«Грамота Святейшего Григория IV, Патриарха Антиохийского и всего Востока, на имя Председателя Архиерейского Синода Высокопреосвященного Митрополита Антония

Ваше Высокопреосвященство,
возлюбленный во Христе брат и соучастник в Св. Божественных таинствах, Высокопреосвященный Владыка – Митрополит Антоний, Председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей.

Приветствуем Вас святым во Христе братским лобзанием и свидетельствуем Вам нашу искреннейшую преданность и глубокое уважение с наилучшими благопожеланиями.

Затем оповещаем Ваше Высокопреосвященство о получении нами окружного послания Вашего, от 31 июля сего года за № 3021, по поводу имеющего быть созванным в России в будущем октябре месяце сего года разбойничьего собора из представителей так называемой “живой церкви” и обновленцев, каковое сборище, под прикрытием благой цели и добрых строительных задач, намерено нанести Св[ятому] чистому Православию новый тяжкий удар внесением убийственного и разрушительного яда их безбожия и безнравственности не только в семейную обывденную жизнь многострадального Русского православного народа, но и в школы и учебники, дабы основательно изучались и заучивались атеистические и нигилистические их заблуждения.

В ответ на сие скорбное окружное послание Вашего Высокопреосвященства считаем священным долгом заявить, в подтверждение прежнего нашего отзыва о так называемой “живой церкви” и обновленцах, что единственной истинно Православной Церковью в России мы признаем ту Российскую Церковь, которая возглавлялась блаженной памяти Свят[ейшим] Патриархом Тихоном и которая всегда отличалась искреннейшей преданностью и верностью Св[ятой] Православной вере и непоколебимым соблюдением в чистоте и непреложности всех истин православных догматов и твердым признанием святых Вселенских и Поместных Соборов, не отступая ни на йоту от положенных этими Соборами

священных канонов, церковного предания и полезнейших правил истинного доброго благочестия; всех же отступников от известных основных начал Св[ятой] Православной Церкви и веры мы не только не признаем и не будем иметь с ними никакого общения, как действующих бесовским духом испорченного мира сего, но предаем анафеме их сатанинское сборище, а также и их безбожное учение и незаконные деяния и решения, направленные против Св[ятой] Православной веры и во вред богохранимому Русскому православному народу.

Сие наше заявление мы официально и громко выражаем во всеуслышание для утверждения и укрепления истинных и верных чад Св[ятой] Православной Русской Церкви и подкрепляем его усерднейшей молитвой ко Святому Престолу Всевышнего о скорейшем водворении вождельного мира и спокойствия в пределах горячо любимой нами многострадальной Православной России, о восстановлении прежней славы, бывшего величия и благоустройства Св[ятой] Православной Российской Церкви и о посрамлении ее лютых безбожных врагов, дабы не только вам – русским, но и нам возрадоваться и утешаться о Господе Спасителе нашем и свободно дышать от постигающих нас тяжких испытаний и страданий.

Прося, в заключение, Ваших святых молитв за нас и за нашу паству, мы вторично лобызаем братски о Господе Вашу досточтимую святыню и всех Преосвященных братьев русских иерархов и пребываем с чувством глубокого уважения и неизменной преданности и любви.

22 сентября 1925 года

Дамаск

Вашего Высокопреосвященства смиреннейший во Христе брат и усерднейший богомолец

ГРИГОРИЙ, Патриарх Антиохии и всего Востока»¹⁸³.

Эту грамоту удалось передать митрополиту Петру благодаря духовнику братии Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандриту Кирику. В фонде Архиерейского Синода хранится его письмо, адресованное митрополиту Антонию от 1/14 ноября 1925 г.

Схиархимандрит Кирик пишет:

«Владыка Святейший! Благословите! Долгом считаю Вас уведомить о том, что грамота Св[ятейшего] Патриарха Григория Антиохийского, помещенная в “Церковных ведомостях” (в № 19), мною скопирована и послана в Москву нашим там обитающим отцам, которые во исполнение моей просьбы – представили оную лично Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Петру. О чем и получено мною от наших отцов уведомление с присовокуплением, что Владыка М[итрополит] Петр остался очень доволен оным актом, где живоцерковники предаются церковной Патриаршей анафеме – по достоянию...»¹⁸⁴

Схиархимандрит Кирик родился в России, в молодости выехал в Грецию и поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Исполнял послушания на Афонском подворье в Москве, принимал участие в издании книг св. Феофана Затворника. Служил настоятелем Афонского подворья в Одессе. Вернувшись на Афон, принимал активное участие в борьбе с имяславием. После революции остался в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Соработник прп. Силуана Афонского, в 1930-х гг. о. Кирик по совету митрополита Антония (Храповицкого) на некоторое время был вызван в Югославию Сербским Патриар-

¹⁸³ Церковные ведомости. 1925. № 19–20.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 175.

хом Варнавой для оказания содействия в устройстве там церковной жизни русской эмиграции¹⁸⁵.

В журнале Архиерейского Синода от 29 января / 11 февраля 1926 г. отмечалось:

«Слушали: Сообщение духовника Афонского св. Пантелеимонова Русского монастыря от 1/14 ноября 1925 г. о том, что копия грамоты Антиохийского Патриарха на имя Председ[ателя] Архиерейского Синода ВПР¹⁸⁶ Антония об анафематствовании обновленцев переслана в Москву Патриаршему Местоблюстителю, который остался этим очень доволен»¹⁸⁷.

Выдержка из этого документа приводится М. Е. Губониным в «Актах Святейшего Тихона...», однако датировка дана с ошибкой – «27.08.(09.09).1925» вместо 9 (22).08.1925 со ссылкой на книгу «Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношении Ее к новому стилю» (Почаев, 1934), где это послание цитируется.

Во время дознания по делу митрополита Петра особую важность следователи придавали вопросу о замещении Киевской кафедры, которую занимал эмигрировавший митрополит Антоний (Храповицкий)¹⁸⁸. Тучков принуждал митрополита Петра лишить митрополита Антония титула «Киевский и Галицкий», причем среди прочих средств давления чекисты пытались использовать церковные каноны. В документах следствия по этому поводу говорилось: «Постановка вопроса о двух претендентах на Киевскую митрополию (Антоний-эмигрант и Михаил, находящийся в СССР) была такова: по всем церковным законам, в силу длительного отсутствия, Антоний утерял все свои права, и нужно было лишь формально освободить его от занимаемой должности. Митрополит Петр такого акта не давал, оправдываясь тем, что он без постановления хотя бы нескольких епископов на этот счет не властен удалить Антония...»¹⁸⁹

Митрополиту Петру было поставлено в вину, что он утвердил митрополита Антония митрополитом Киевским и подтвердил полномочия митрополита Евлогия¹⁹⁰. По документам следствия, «заграница не осталась в долгу и поспешила его признать, о чем Петр получил сообщение опять-таки от не установленного следствием лица»¹⁹¹.

Такую примитивную картину выстроили работники органов государственных служб. Связь митрополита Петра с заграницей выглядела намного более преувеличенной по сравнению с тем, что было на самом деле, и, конечно, не те причины, которые фигурировали в документе, были основой признания Местоблюстителя за границей.

В корреспонденции «Обезглавление Церкви», предназначенной для газеты «Новое время», говорилось об аресте митрополита Петра и григорианском расколе. Анонимный автор писал:

«Местоблюститель патриаршего престола митрополит Крутицкий арестован. Некоторое время он содержался в ОГПУ и уже около трех недель находится в Бутырской тюрьме.

В Бутырках нет никаких подразделений заключенных на категории, и первоиерарху Российской Православной Церкви пришлось встретить праздник Рождества Христова в обществе воров, бандитов и убийц. В камере, насчитывающей до трех десятков подобных обитателей, в смраде испарений грязных человеческих тел, среди ругани, потрясающей небо

¹⁸⁵ См. о нем интернет-ресурс http://zarubezhje.narod.ru/kl/k_130.htm

¹⁸⁶ Высокопреосвященнейшего.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 176.

¹⁸⁸ См. на эту тему: Мазырин А., иерей. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // Вестник ПСТГУ: II. 2007. № 2 (23). С. 58–67; № 3 (24). С. 118–131; № 4 (25). С. 118–131.

¹⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. Н-3677. Т. 5. Л. 256–247.

¹⁹⁰ Там же. Л. 252.

¹⁹¹ Там же. С. 252.

и землю, кощунственных выпадов и гнуснейшего злорадства, совершенно больной и измученный травлей старик, лежа на жесткой койке, думал о своих предателях»¹⁹².

Обнаруженные документы говорят о существовании в 1925 г. тонкой связующей нити между уехавшими и оставшимися деятелями Церкви.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 178–184.

Освещение информации о положении Православной Церкви в СССР в газете «Церковные ведомости» после ареста митрополита Петра (Полянского)

После ареста митрополита Петра и ряда авторитетных иерархов и церковных деятелей с декабря 1925 г. вступил в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) в соответствии с завещательным распоряжением митрополита Петра от 6 декабря 1925 г.

Как уже указывалось, информация о текущих событиях регулярно публиковалась в газете Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей «Церковные ведомости» обычно под рубрикой «К положению Православной Церкви в России». Так, там сообщалось об аресте митрополита Петра и других деятелей Церкви, их высылке в разные места страны¹⁹³. В газете были помещены документы, связанные с обстоятельствами передачи церковного управления митрополиту Агафангелу (Преображенскому) и отказе от прав на восприятие этой должности¹⁹⁴.

Митрополит Сергей нашел возможность тайно передать свое письмо от 12 сентября 1926 г. зарубежным иерархам, в нем он отвечал на их просьбу помочь преодолеть разногласия, возникшие между Управляющим западноевропейскими русскими приходами митрополитом Евлогием и Архиерейским Синодом, приведшие к формальному разрыву летом 1926 г. В этом письме в последний раз митрополит Сергей говорил с зарубежными иерархами голосом любящего отца и собрата, это письмо ярко контрастирует со всеми последующими актами Заместителя, изданными официальным порядком. В нем можно увидеть указание на то, как следует относиться к подобным документам. «Дорогие мои Святители, – говорилось в письме, – Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит Ваш Синод и Собор... Не знаю я и предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. ...*Может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений?*» (курсив мой. – О. К.)¹⁹⁵. В момент получения письма зарубежные иерархи не понимали, насколько серьезно это предупреждение, за которым скрывается фактический отказ от руководства зарубежной Церковью и благословение устраивать церковную жизнь самостоятельно.

Послание было передано трем архиереям доверительно, в совершенно секретном порядке, однако вскоре увидело свет в газете «Сегодня»¹⁹⁶, а затем в газете «Возрождение»¹⁹⁷, а также в «Вестнике русского студенческого Христианского движения»¹⁹⁸. «Церковные ведомости» в разглашении письма упрекали митрополита Евлогия и высказывали мнение, что именно в связи с этим посланием митрополит Сергей был арестован в декабре 1927 г.¹⁹⁹

¹⁹³ См.: Церковные ведомости. 1926. № 17–18.

¹⁹⁴ См.: Там же. № 11–12.

¹⁹⁵ Вестник РСХД. 1927. № 3. С. 29.

¹⁹⁶ Независимая демократическая газета, ответственный редактор Н. Н. Панов, издатель Я. И. Брамс. Выходила в Риге (1919–1940).

¹⁹⁷ Ежедневная газета, выходила под ред. П. Струве в Париже (1925–1940).

¹⁹⁸ Религиозный, философский и литературный журнал русской эмиграции (Париж. 1925–). После № 111 (1974) выходит под названием «Вестник русского студенческого христианского движения».

¹⁹⁹ См.: Церковные ведомости. 1927. № 9–10.

Информация следующих номеров уточняла предыдущую. Сообщалось, что, по полученным достоверным сведениям, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей советскими властями был вызван из Нижнего Новгорода в Москву, где от него требовали роспуска Заграничного Архиерейского Синода, лишения сана и анафематствования русских заграничных иерархов и перехода на новый стиль. Митрополит Сергей категорически отказался исполнить требования большевиков, и за это он был арестован 30 ноября / 13 декабря 1927 г.²⁰⁰ В этом же номере сообщалось о вступлении в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископа Серафима (Самойловича) и назывались имена из списка Заместителей, назначенных митрополитом Петром. Газета информировала об аресте многих священнослужителей и указывала причину – попытку выборов путем опроса Патриарха, каковым был намечен митрополит Кирилл (Смирнов).

Известна в зарубежье стала и «Памятная записка Соловецких епископов 1926 г.»²⁰¹. Газета сообщает об этом документе и излагает его краткое содержание²⁰², а также публикует проект декларации митрополита Сергея 1926 г., что говорит о том, что автор корреспонденций весьма близко стоял к церковному руководству.

Митрополит Сергей в марте 1927 г. освобожден из тюремного заключения, и вскоре зарубежье стало получать известия совершенно иного звучания.

В газете сообщалось:

«Нами получены сведения, что Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященный Митрополит Сергей, освобожденный уже советской властью из тюрьмы, организовал Священный Синод, который открыл свои действия в качестве Высшего Всероссийского Церковного Управления. Советская власть санкционировала как открытие Синода, так и состав его. И одновременно с этим митрополит Сергей обратился от имени Синода к пастве с особым посланием, в котором советская власть признается законным правительством в России.

Все русские церкви как в советской России, так и заграничные и все духовенство призываются к такому признанию»²⁰³.

Газета подчеркивала, что послание противоречит обращению соловецких епископов к советской власти и посланию митрополита Сергея от 10 июня 1926 г. Без комментариев сообщена новость о требовании митрополита Сергея к иерархам и духовенству Зарубежной Церкви дать подписку о признании советской власти и прекращении противосоветской деятельности.

29 июля 1927 г. вышла известная декларация митрополита Сергея (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода, провозгласившая начало нового курса в отношениях высшей церковной власти и государства. В отношении зарубежного духовенства власть наконец-то могла торжествовать победу. В декларации говорилось:

«Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярko противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая – 22 апреля 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол загранич-

²⁰⁰ См.: Там же. № 23–24.

²⁰¹ К правительству СССР (Обращение православных епископов из Соловецких островов) // Вестник РСХД. 1927. № 7. С. 19–26.

²⁰² См.: Церковные ведомости. 1927. № 9–10.

²⁰³ Там же. 1927. № 11–12.

ное церковное общество на два лагеря²⁰⁴. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской Власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной»²⁰⁵.

В Сремских Карловцах реакция на этот документ была резко отрицательной. Первым откликом на выступление митрополита Сергия стала статья митрополита Антония (Храповицкого) «Отповедь на послание Московского Синода»²⁰⁶ с резким осуждением декларации. Митрополит Антоний напоминает, что по получении послания митрополита Сергия от 10 июня 1926 г., в котором он «отгораживается от управления Заграничной Церковью», Архиерейский Синод решил твердо держаться на позиции этого послания, «не принимая могущих быть изменений»²⁰⁷. Возможно, эта позиция устраивала и самого митрополита Сергия, лишившегося возможности говорить своим голосом.

9 сентября 1927 г. было выпущено окружное послание Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей, посвященное декларации. В нем говорилось: «...Приняв во внимание, что высшая церковная власть в России находится в тяжком пленении у врагов Церкви, не свободна в своих деяниях, а также то, что у нас нет возможности иметь с нею нормальные сношения, Священный Собор Архиереев Русской Православной Церкви за границей определил: Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить сношения с Московской церковной властью ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью»²⁰⁸. Далее следовал вывод, что заграничная часть Русской Православной Церкви должна управляться сама, «согласно священным канонам, определениям Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917–18 гг. и постановлению Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г., при помощи Архиерейского Синода и Собора Епископов, под председательством Киевского митрополита Антония». Вместе с тем в послании отмечалось, что «заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно единою ветвью великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Материнской Церкви и не считает себя автокефальною. Она по-прежнему считает своею главой Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями». Что касается подписки о лояльности, было решено отвергнуть такое предложение и исключение из клира Московского Патриархата, если таковое последует, считать недействительным.

Позиция митрополита Евлогия была иной. Она выражена в его письме архиепископу Иоанну Рижскому от 24 июля 1928 г.: «Конечно, в деятельности м[итрополита] Сергия есть нечто смущающее, но все же он возглавитель нашей Церкви (пока м[итрополит] Петр

²⁰⁴ В 1926 г. заграничный Архиерейский Синод потребовал подчинения себе всего русского церковного зарубежья, это вызвало протест со стороны митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Платона (Рождественского). В итоге от Архиерейского Синода откололась большая часть западноевропейских и североамериканских русских православных приходов, управляемых названными митрополитами.

²⁰⁵ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. № 188. 19 авг.

²⁰⁶ Церковные ведомости. 1927. № 17–18.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Церковные ведомости. 1927. № 17–18. С.

вынужденно бездействует), и, след[овательно], оторваться от него значило бы оторваться от Матери-Церкви, чего я совершенно не могу допустить в своей совести»²⁰⁹.

Декларация митрополита Сергия усугубила разделение Архиерейского Синода и митрополита Евлогия. Отношения к декларации как акту вынужденному и простительному постоянно ставилось в вину митрополиту Евлогию карловацкой печатью.

²⁰⁹ ЛГИА. Ф. 7131. Оп. 1. № 28. Л. 118. Цит. по: Альманах Общества Seminarium Hortus Humanitatis / Русский мир и Латвия: Из архива св. священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Т. 2 / Изд. подгот. Ю. Сидяков. Интернет-ресурс <http://www.humanitatis.info/wordowskie/Almanah%20Nr%2020.pdf>

Переписка митрополита Сергия с русскими архиереями за границей и предстоятелями Православных Церквей

В отличие от своих предшественников, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий с 1927 г. вел довольно обширную легальную переписку с церковными деятелями зарубежья. Среди его корреспондентов были в первую очередь Управляющий западноевропейскими русскими церквами митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополиты Елевферий (Богоявленский), Сергий (Тихомиров), Вениамин (Федченков), епископ Иоанн (Поммер) и многие другие лица. В его переписке конца 1920 – начала 1930-х гг. с зарубежными церковными деятелями явно просматривается стремление оказать воздействие на представителей Русской Церкви в эмиграции с целью ограничить свободу их действий и высказываний, касающихся поддержки гонимой Церкви в СССР.

Начало нового периода в отношениях митрополита Сергия с зарубежными архиереями обозначилось еще до июльской декларации. 14 июля 1927 г. из Москвы в Париж отправлено его письмо митрополиту Евлогию, касающееся фундаментальных вопросов деятельности заграничного духовенства. Упомянув об упразднении зарубежного ВЦУ Патриархом Тихоном, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя подчеркнул подведомственность эмигрировавшего духовенства Московской Патриархии и связанную с этим ответственность его за деятельность, враждебную Советскому Союзу (в основном имелись в виду выступления в защиту гонимой Церкви). Письмо сопровождалось указом с требованием всем священнослужителям дать подписку о лояльности, а именно письменное обязательство в такой форме: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что, ныне, состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей общественной, в особенности же церковной деятельности, ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству»²¹⁰.

Отказавшиеся дать такую подписку исключались из состава клира, находящегося в ведении Московской Патриархии. Срок, установленный для ответа на послание, истекал 15 сентября 1927 г.

Естественно, что бежавшие от большевиков эмигранты были шокированы подобным требованием, ставящим их действия в зависимость от советских властей.

В Сремских Карловцах указ проигнорировали. В Париже стали искать компромиссного решения.

Митрополит Евлогий писал в своих воспоминаниях: «Связь с Матерью Русской Церковью была мне очень дорога. Непримируемой позиции “карловчан”, которые после грозного патриаршего указа (от 22 апреля (5 мая) № 349)²¹¹ скрепя сердце признавали Московскую Патриархию, – я не разделял. Мне хотелось, не подчиняясь советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-нибудь линию поведения, чтобы с Москвой не рвать»²¹².

На совещании у митрополита Евлогия деятели из его ближайшего окружения – архиепископ Владимир (Тихоницкий), протоиерей С. Булгаков, профессор протоиерей В. В. Зеньковский, И. П. Демидов, П. Б. Струве, А. В. Карташев и др. – высказались против подписки.

²¹⁰ Церковь и время. 1998. № 2 (5). С. 79.

²¹¹ Имеется в виду указ об упразднении Карловацкого Высшего Церковного управления и подтверждении канонических прав митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе (см.: Акты Святейшего Тихона... С. 193).

²¹² Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 566.

«По мнению собравшихся, дать такую подписку значило бы совершить определенный политический акт, церковнослужители же, по требованию самого митр[ополита] Сергия, должны держаться в стороне от какой бы то ни было политики»²¹³.

Выйти из трудного положения было решено оговорив объем понятия «лояльность», который должен был, по мнению митрополита Евлогия, означать лишь аполитичность, но отнюдь не подчиненность советской власти. Это удовлетворило часть паствы, хотя некоторые из влиятельных эмигрантских деятелей (например, барон Врангель) стояли за разрыв с Москвой.

Митрополит Евлогий в своем ответе митрополиту Сергию от 12 сентября 1927 г. уверял, что не допустит превращения церковного амвона в политическую трибуну, и вместе с тем просил «не отторгать» его и паству «от спасительного лона... родной Русской Церкви»²¹⁴. В другом письме, датированном этим же числом, митрополит Евлогий решается посвятить митрополита Сергия в сущность его конфликта с митрополитом Антонием (Храповицким) и просить его вынести свое суждение по ряду принципиальных вопросов, в частности о полномочиях Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей²¹⁵, сопровождая письма соответствующими документами.

Несмотря на суровые письма из Москвы, митрополит Евлогий не оставлял надежды получить от митрополита Сергия поддержку в конфликте с Архиерейским Синодом, запретившим митрополита Евлогия в священнослужении и отстранившим от управления вверенными ему церквями²¹⁶, прося вмешательства сверху и подчеркивая свою каноническую подчиненность митрополиту Сергию и Временному Патриаршему Синоду (письмо от 29 октября 1927 г.).

Однако нажим Москвы становился все более тяжелым. 4 января 1928 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя потребовал от Высокопреосвященнейшего Евлогия объяснение по поводу панихиды по «жертвам революции», отслуженной по инициативе некоторых членов епархиального управления 23 октября 1927 г., что было расценено в Москве как политическая демонстрация. В связи с этим митрополиту Евлогию предлагалось сформулировать требование о лояльности в выражениях, гарантирующих от подобных случаев в дальнейшем, а также прислать списки тех, кто дал подписку о лояльности²¹⁷.

Митрополит Евлогий был вынужден написать в свое оправдание, что по просьбе родственников почивших он совершил обычное богослужение. Список духовенства, давшего подписку, был послан в Москву.

В ответ последовало постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода от 28 мая 1928 г., в котором подтверждалось административно-каноническое подчинение Московской Патриархии митрополита Евлогия и давших подписку священнослужителей, возглавление митрополитом Евлогием русских приходов в Западной Европе и упразднение Карловацкого Синода, распоряжения которого отменялись²¹⁸.

При выполнении требования Москвы снова возникли большие трудности. «Не могу скрыть от Вашего Высокопреосвященства, – писал митрополит Евлогий 10 сентября 1928 г. митрополиту Сергию, – насколько трудно в условиях эмигрантской жизни отстаивать эту позицию. Наши искренние стремления к тому, чтобы сохранить неразрывную связь и полное

²¹³ Последние новости. 1927. 4 сент.

²¹⁴ Церковь и время. 1998. № 2 (5). С. 82.

²¹⁵ См.: Церковь и время. 1998. № 2 (5). С. 83–89.

²¹⁶ См.: Там же. С. 94.

²¹⁷ См.: Там же. 1998. № 3 (6). С. 106.

²¹⁸ См.: Там же. С. 102–103.

единение с Матерью-Церковью, с подчинением Вам истолковываются в смысле подчинения неприемлемой для нас советской власти только потому, что нам вновь было предъявлено требование выражения “лояльности” по отношению к этой власти»²¹⁹. Чтобы решить эту проблему, митрополит Евлогий настаивал на предоставлении зарубежной Церкви «права известной самостоятельности или автономии во внутреннем ее управлении»²²⁰.

Несмотря на все старания Высокопреосвященнейшего Евлогия сохранять мирные отношения с Московской Патриархией, в его адрес постоянно шли упреки в политических выступлениях под видом церковных священнодействий. Событие, которое вызвало новый протест из Москвы, – панихида по Ф. К. фон Мекку, П. А. Пальчинском и А. Ф. Величко²²¹, расстрелянных Советской властью в 1928–1929 гг. по делу Промпартии.

«Каждое мое неосторожное слово, – писал Управляющий русскими церквями, – подвергалось в Москве критике и осуждению. В течение трех лет между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная, безрезультатная полемика. Митрополит укорял меня за нарушение данного ему слова о невмешательстве в политику, а я обвинения опровергал, разъясняя, почему то или иное мое выступление нельзя назвать политическим – надо назвать молитвенно-церковным и религиозно-нравственным пастырским воздействием на паству, от которого ни я, ни мое духовенство никогда не отказывались и отказаться не можем. Свою позицию я разъяснял и моей пастве»²²².

Осуществляя нелегкий труд по управлению западноевропейскими церквями, митрополит Евлогий был вынужден постоянно согласовывать претензии из Москвы с требованиями своей паствы, что было почти невозможно. При этом он постоянно подвергался жесткой критике Карловацкого Синода.

Очевидно, что так не могло длиться долго. Гром грянул после того, как митрополит Евлогий принял участие в богослужении, устроенном по инициативе архиепископа Кентерберийского в защиту страждущей Русской Церкви. Сам митрополит Евлогий так писал об этом: «В начале поста 1930 г. архиепископ Кентерберийский пригласил меня в Лондон на однодневное моление о страждущей Русской Церкви. Я решил ехать. За нас будет молиться вся Англия, а я останусь в Париже безучастным свидетелем единодушного сочувствия всех Церквей к страждущей нашей Церкви? Невозможно! Моя совесть повелительно требовала моего участия в этих молитвах; так же, несомненно, была настроена и моя паства.

Я провел в Англии с неделю. Давно я не испытывал такого светлого чувства братской христианской любви между Церквями, какое испытал в эти незабываемые дни, когда вся церковная, верующая Англия коленопреклоненно молилась о прекращении тяжких страданий нашей Русской Православной Церкви... Политических целей я никаких в Англии не преследовал и с политическими речами нигде не выступал. Всюду, где мне приходилось говорить речи, я лишь благодарил за сочувствие, просил и впредь поддерживать нашу страдальницу Мать Церковь своими молитвами. И вот эти выступления и послужили поводом к строгому запросу из Москвы от митрополита Сергия: на каком основании Вы позволили себе разъезжать по Англии, призывая к протесту против СССР? Тут же было высказано требование свою поездку осудить и дать обязательство такого рода выступления более не повторять... Горько мне было читать эти несправедливые упреки, продиктованные внушениями советской власти, и я резко ответил митрополиту Сергию, что моление в Англии имело не

²¹⁹ Церковь и время. 2004. 1998. № 3 (6). С. 107–108.

²²⁰ Там же. 1998. № 2 (5). № 3 (28). С. 109.

²²¹ См.: Там же. № 3 (6). С. 137–138.

²²² Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 367.

политический, а религиозный характер: это был протест религиозной и вообще человеческой совести против страшных гонений на Церковь в советской России...»²²³

10 июня 1930 г. митрополит Евлогий был отстранен от управления русскими церквями в Западной Европе, которое поручалось Высокопреосвященному Владимиру (Тихоницкому). Удовлетворение требований Московского Патриархата во имя сохранения церковного единства не спасло митрополита Евлогия от разрыва с ним. Он очутился в худшем положении, чем постоянно осуждающий Владыку за компромиссы с Москвой Архиерейский Синод, отделение которого произошло по инициативе эмигрантского духовенства на базе прочно сложившейся организации – Высшего Церковного Управления Русской Православной Церкви за границей.

В ответ на запрещение последовали письма в Москву архиепископа Владимира (Тихоницкого) и митрополита Евлогия. Первый отказался от вступления в должность Управляющего русскими приходами. Таковое вступление, по его словам, привело бы в полное расстройство церковную жизнь в приходах, устранение митрополита Евлогия он назвал обезглавливанием «епархиального тела»²²⁴. Намекая на вынужденность указов митрополита Сергия, архиепископ Владимир писал: «Положение наше сейчас столь отлично от Вашего, общение с Вами столь затруднительно, разъяснения зачастую совершенно невозможны... <...> Поэтому мы принуждены признать, что наступил период временного перерыва нормальных административных отношений с Патриархией...»²²⁵ При этом было подчеркнуто, что каноническая связь с Матерью-Церковью не прерывается.

В обширном послании митрополита Евлогия (21 июля 1930 г.) наконец сказано все, что переживалось Владыкой в трудные три года общения с митрополитом Сергием. Вновь и вновь доказывая свою непричастность к политике, митрополит Евлогий коснулся некоторых болезненных вопросов, касающихся церковной жизни в СССР и действий самого митрополита Сергия. Он пишет:

«Вообще, мне кажется, что Вы недостаточно уясняете себе настроение моей заграничной паствы. Вы не знаете, какое волнение и даже негодование вызвало в ней в свое время предложение мне и вверенному мне духовенству о выражении лояльности к Советской власти, поскольку самое наше пребывание за границей, в качестве вынужденных эмигрантов, является отрицанием этой лояльности. Мне стоило больших усилий успокоить это волнение. Даже мое скромное обязательство не вмешивать Церковь в политику встречено было весьма неодобрительно в значительной части нашей эмиграции, стоило мне потери нескольких приходов и вызвало постоянные, не прекращающиеся доселе обвинения меня в соглашательстве с большевиками, в подчинении Церкви Советской власти и т. п. Я не говорю уже о том, как расценивается в этих кругах Ваша деятельность, – особенно после столь шумевшего и, простите, Владыко, очень смутившего многих сообщения об интервью с представителями иностранной прессы о том, что в СССР нет гонений на Церковь...»²²⁶

Митрополит Евлогий напомнил о своей самоотверженной деятельности в защиту митрополита Сергия в эмигрантской среде, деятельности, которую разрушал последний указ Заместителя. Высокопреосвященнейший Евлогий решился прямо сказать, что «церковное управление в СССР лишено свободы, поработщено Советской властью и т. п.»²²⁷, другими словами, что митрополит Сергий действует в отношении Управляющего русскими приходами не самостоятельно, а выполняя недобрую волю большевиков.

²²³ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 569.

²²⁴ Церковь и время. 1999. № 1 (8). С. 220–221.

²²⁵ Там же. С. 222.

²²⁶ Там же. С. 227.

²²⁷ Церковь и время. 1999. № 1 (8). С. 227–228.

К этому письму прилагались акты совещания епископов, постановления епархиального собрания и епархиального совета, где было высказано, что изложенные в указе митрополита Сергия мысли являются политическими, и по этим не церковным, а политическим соображениям и было вынесено его постановление об увольнении митрополита Евлогия²²⁸. Таким образом, обвинение митрополита Евлогия в политической подоплеке деятельности было обращено против самого митрополита Сергия. Надо сказать, что в том и другом случае, хоть и в разной степени, обвинения имели под собой основания.

Запрещению из Москвы было решено не подчиняться. В драматические моменты противостояния между свободной церковной эмиграцией и поработанной Московской Патриархией вопросы послушания отходили на второй план.

На собраниях были приняты решения, «не порывая канонической связи с Матерью Церковью», признать «временно невозможными дальнейшие сношения с Заместителем Местоблюстителя и состоящим при нем временным Патриаршим Синодом»; «согласно... постановлению высшей Всероссийской Церковной Власти от 20-го ноября 1920 года²²⁹, законному правящему епископу православных русских церквей в Западной Европе Митрополиту Евлогию воспринять полноту власти во вверенной ему епархии...»²³⁰.

На совещании епископов, состоявшемся 30 июня 1930 г., была выражена просьба к митрополиту Евлогию просить Заместителя Местоблюстителя и Временный Патриарший Синод об отмене принятого ими решения как утвержденного на неверных основаниях и угрожающего полным расстройством церковной жизни в русских православных приходах Западной Европы²³¹.

В течение всего 1930 г. продолжалась переписка с перечислением все тех же доводов, ссылками на каноны и взаимными упреками в политизированности без особой надежды убедить друг друга в своей правоте.

28 октября 1930 г. митрополиту Евлогию было послано обширное письмо от митрополита Сергия, полное жестких обвинений и угроз, требования упразднения Епархиального управления и пр. Верил ли сам митрополит Сергей в то, что Епархиальное управление в Париже «просто объединяет собою демобилизованные армии белых»²³², трудно сказать. Скорее всего, не верил, хотя суровые, недружественные интонации письма производят впечатление убежденности в своей правоте. Срок для окончательного решения был дан 1 декабря 1930 г. Ответным шагом митрополита Евлогия (письмо от 9 декабря 1930 г.) было объявление об отделении от Московского Патриархата на основе указа от 29 ноября 1920 г.

Постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода от 24 декабря 1930 г. указ об увольнении митрополита Евлогия от управления русскими церквами в Западной Европе признавался вошедшим в силу, самому митрополиту Евлогию и единомышленным архиереям запрещалось совершение рукоположений до решения церковного суда. Духовенству, состоящему в юрисдикции митрополита Евлогия, предлагалось перейти в подчинение митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому)²³³.

²²⁸ См.: Там же. С. 227–232.

²²⁹ Имеется в виду известное постановление № 362 Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета о мероприятиях на случай прекращения своих церковно-административных функций.

²³⁰ Церковь и время. 1999. № 1 (8). С. 235.

²³¹ См.: Церковь и время. 1999. № 1 (8). С. 231.

²³² Там же. С. 245.

²³³ См.: Там же. С. 259–260.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.